

Катрин Корр
Спаси меня
первая часть

Спаси меня

Катрин Корр

Спаси меня

«Автор»

2017

Kopp K.

Спаси меня / К. Корп — «Автор», 2017 — (Спаси меня)

Дождливой ночью в дом влиятельного бизнесмена ворвалась банда грабителей. Но четко продуманный план разрушило внезапное появление напуганной девушки, затаившейся в кладовке. Что она видела? И сколько времени провела там? Бежав из города, Алекс не собирался возвращаться. Его ждала новая жизнь. Что же заставит его передумать спустя несколько лет? Муки совести? Чувство вины? Или красота, навсегда оставшаяся в памяти?

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ПРОЛОГ

Девчонка дерзко взмахнула рукой, и несколько круглых браслетов послушно скатились почти до локтя. Их драгоценные камни нагло сверкали в лучах яркого майского солнца, и парень, что так внимательно следил за их самоуверенной хозяйкой, жадно облизал губы. Он задумчиво почесал квадратный подбородок, поросший твердыми колючими волосками, и продолжал смотреть в бинокль, следя за каждым движением расфуфыренной студентки.

На крыльце одного из престижных университетов города собралась кучка парней, хвастливо рассказывающих друг другу о своих дорогих тачках, припаркованных у самой дороги. Двое из них демонстративно вертели в руках ключи от «БМВ» и «Мерседеса», жуя жвачку так лениво и развязно, что, казалось, их протяжное чавканье слышалось даже здесь, за несколько метров. За таких пареньков через несколько лет выходили замуж такие же хвастливые и напыщенные девицы, необдуманно тратящие невероятные денежные суммы на какие-нибудь сумочки от Диор и прочее дизайнерское тряпье. А потом у них рождались такие же избалованные дети, становившиеся точными копиями своих родителей. Какой-то замкнутый и убогий круговорот.

– Было что-нибудь интересное, пока я торчал в этой проклятой очереди? – спросил крепкий мужчина, завалившись на пассажирское сиденье серого и невзрачного микроавтобуса. Он поспешил поставить на грязную панель два пластмассовых стакана с кофе и разложил на коленях шелестящую бумагу с горячим гамбургером. Жадно откусив огромный кусок, он кивнул в сторону девчонки, за которой велось наблюдение: – Куколка сегодня при параде, да?

– Угу, – только и произнес его напарник, внимательно глядя в бинокль.

– Иной раз мне хочется отодрать эту самовлюбленную козочку прямо в ее новеньком «Мерседесе»! Вечно вырядится как потаскуха и у меня шлагбаум в штанах поднимается.

Мужчина засмеялся и лист салата, измазанный кетчупом, упал на его светло-серую футболку.

– Тебя всегда тянет к богатеньким пустышкам. – Опустив бинокль на колени, напарник взял свой стакан с кофе и сделал внушительный глоток. – На сегодня все. Сворачиваемся.

Мужчина закашлялся, вытирая салфеткой красное пятно:

– Утро ведь только началось! У нее еще весь день впереди.

– Твоя пустышка едет в маникюрный салон, потом в ювелирный магазин, чтобы забрать подарок для того «Кена» на синем «Ягуаре». А после, она отправится домой. Ничего нового, все как обычно. Может, вечером свалит в бар со своими подружками, но нам от нее больше ничего не нужно. Мы уже многое знаем.

– Как скажешь! – сказал напарник, пожимая плечами. Он засунул в рот последние остатки гамбургера и вытер жирные руки о свою же футболку. Заметив на себе неодобрительный взгляд, мужчина фыркнул: – Все равно грязная!

Алекс завел машину, и невзрачная колымага не спеша двинулась по широкой дороге, незаметно влившись в огромный поток машин.

– Сегодня пятница, надо оттянуться.

– Завтра работа, будь в форме, – хмуро сказал Алекс, проведя ладонью по выбритому затылку.

В действительности он очень опасался подобных «оттяжек» друга, да еще и накануне крупного дела, над которым они работали больше четырех месяцев. Но виду, конечно же, не показывал.

– Я уже все выучил вдоль и поперек. Могу продемонстрировать с закрытыми глазами.

– Надо быть в форме, – повторил Алекс, кинув на него короткий, но нетерпеливый взгляд.

– Не дрейфь, Ал, все пройдет без сучка и задоринки.
– Типун тебе.

Корж издал свое фирменное «хм-м-м», которое в его интерпретации можно было считать за искренний смех. Гладко выбритое лицо растянулось в самодовольной улыбке, а прозрачно-серые глаза с презрением оглядели блестящий темно-красный «БМВ», остановившийся рядом с их микроавтобусом.

– Я все думаю, – начал говорит он, задумчиво разглядывая изящный профиль блондинки за рулем немецкого седана, – а, если этот Мойсов не расколется?

– Он все расскажет и покажет, – сказал Алекс сквозь зубы, внимательно наблюдая за пешеходами.

– А если нет? – уперто повторил Корж, повернув к нему голову.

– Тогда отрежешь ему несколько пальцев. Мы уже проходили это. Как только в поле зрения появляется твой секатор, языки тут же развязываются.

– Если и это не напугает его? Ведь этот Мойсов та еще крыса. У него это на роже написано.

Алекс нахмурился, представив подобную ситуацию. В его семилетней практике такие случаи бывали редко, но если вдруг заложники пытались строить из себя героев, приходилось принимать иные меры, чтобы выбить информацию.

– Тогда я буду метать нож.

– Или припугнем любимой дочуркой, – хмыкнул Корж, проведя по засохшим губам ладонью, все еще пахнущей гамбургером из Макдональдса. Отпив кофе, он с улыбкой добавил:– Уж я то с удовольствием это сделаю.

– Завтра его жена будет в центре событий, а не твоя пустышка. Она уедет к своему «Кену» на вечеринку и останется там до самого утра. Если вдруг вернется – будем смотреть по ситуации.

– Молоденькая женушка, конечно, тоже ничего, но дочурка Мойсова меня прям с ума сводит!

Выдавив слабую улыбку, Алекс размял мускулистую шею. Завтрашний день детально прокручивался в его голове на протяжении нескольких месяцев, ведь успешный результат четко продуманного плана, безоговорочно вручит ему путевку в жизнь. В ту жизнь, о которой он мечтал с семнадцати лет, как только впервые познакомился с миром профессиональных грабителей. Именно профессиональных. Словно фокусники, они могли появиться там, где их совсем не ждали, и исчезнуть в мгновение ока, прихватив с собой пачки с деньгами, и не оставляя после себя никаких следов. Он научился этому искусному мастерству, впитывал информацию как губка и выкладывался по полной, на заданиях, которыми снабжал свою группу его же дедушка Роберт. Вспомнив о нем, Алекс усмехнулся про себя, представив реакцию старика, узнавшего о намерении внука навсегда завязать с преступной деятельностью.

После завтрашнего дня он, Алекс, станет сам по себе и навсегда уедет из этого города, полного высокомерных высокочек и богатеньких пузатых папиков, исполняющих прихоти своих любовниц, силиконовых жен и развратных дочек. Кто-то считает, что родиться в семье таких людей, с полными карманами денег – настоящая удача, но только не Алекс. Жить в золотом замке и быть заносчивым ублюдком, вообразившим неведомую власть над другими, слишком мерзко для человека, познавшего все тяготы обыкновенной жизни, лишенной огромных финансов и лоска богатеев. Из таких и вышел Алекс.

Он никогда не винил своего отца, отказавшегося принимать участие в планируемых грабежах. По словам дедушки, он делал все, чтобы не видеть, не слышать и не знать ничего, что касалось деталей работы, ибо владелец информации так или иначе становился косвенным соучастником. Алекс сразу смекнул, что неудавшаяся попытка деда превратить своего сына в профессионального грабителя, словно феникс, переродилась в новое стремление, направлен-

ное на него же самого. Роберт увидел в глазах внука искренний интерес, который напрочь отсутствовал у собственного сына, твердо решившего прожить спокойную жизнь обыкновенного смертного и довольствоваться тем, что подарит судьба.

Для Алекса дедушка Роберт был настоящим гением, великим мастером, с искусством которого мог познакомиться далеко не каждый. О его реальных делах знали только самые близкие, для других же он был ничем не примечательным владельцем небольшого охотничьего магазина.

Благодаря ему, Алекс научился быть незаметным, словно пантера в ночи. Он мог взломать любые замки, *выбить* из людей коды сейфов, хранящих в себе кучу денег и драгоценностей, быть беспристрастным к мольбам заложников и твердо держать марку бесчувственного преступника. Собственно, ему и не приходилось особо стараться, ведь Роберт постоянно твердил одно и тоже, вбивая в голову внука свое отношение к богачам:

– Эти сосунки, купающиеся в золоте и высирающие огромные куски бриллиантов, готовы говорить что угодно, лишь бы на их силиконовых задницах не осталось царапинки, внук. Дави на них до самого конца, пока они не поймут, что их жалкие жизни висят на волоске. Каждый день они унижают простых смертных – сантехников, уборщиц, даже собственных парикмахеров! Им невдомек, что значит целыми днями горбатиться на «большого дядю», выслушивать оскорблений и получать за это копейки, которыми с трудом можно прокормить семью. Мы брали, берем и будем брать свое. Так устроена жизнь.

Высокомерные, хвастливые идиоты, чьи жизни давно были расписаны на годы вперед, мерились тачками, элитным жильем в разных странах мира и дипломами дорогостоящих образовательных учреждений. Алекс ненавидел эту часть общества и, собираясь на очередную *работу*, становился перед зеркалом и долго смотрел в собственные глаза цвета темной листвы, повторяя про себя слова дедушки: «Так устроена жизнь». Врываясь в чужие роскошные дома, полные антикварных вещей и дорогостоящих украшений, Алекс с пренебрежением смотрел на плачущих женщин, умоляющих отпустить их и не причинять им никого вреда, и внутренне торжествовал, когда их богатеи-папики чуть ли не ссыали от страха потерять все свое нажитое имущество. Он всегда потешался над теми, кто хранил свои деньги в собственных домах, считая эти напичканные камерами и системами безопасности коробки безупречными хранилищами.

К двадцати двум Алекс уже так профессионально владел тонкостями электроники и хакерским искусством, что ощущал себя могущественнее самых известных фокусников мира, и вскоре чувство собственной непревзойденности и чрезмерной уверенности погубило его, ведь одновременно с этим, внутри него разрасталась темная пустота. Он часто задумывался над собственной значимостью в этом мире, и не находя ответов, «уходил в космос», тратив все свои «сбережения» на наркотики. Когда все стало слишком серьезно, Роберт насилино поместил внука в частную клинику, заплатив немалые деньги за лечение.

И вскоре, после скоропостижной смерти деда, что-то внутри Алекса сломалось. Он понимал, единственное, чем он мог заниматься в этой жизни – следить за людьми, изучать их распорядок дня, а после врываешься в их дома и грабить. Сам факт того, что он тратил свою жизнь на изучение чужих раздражал его настолько, что всякий раз наблюдая в бинокль за членами семьи, в чьи дома он намеревался ворваться, ему хотелось выколоть себе глаза. Самодовольные «Барби» и «Кены», которых Алекс выслеживал, словно нарочно вертели перед ним ключами от дорогих машин, которых у него самого никогда не было, драгоценностями, сверкающими в лучах яркого солнца и высокомерными улыбками, заставляя считать себя убожеством, недостойным такой жизни, как у них. Иной раз он ловил на себе эти надменные взгляды в барах, куда приходили его «жертвы», а он, будучи в повседневной одежде, а не в «рабочей», стоял рядом с ними плечом к плечу и слушал, как высокочки обсуждали своих знакомых, язвили

и сплетничали. Никому и в голову не приходило, что рядом с ними находился человек, что вскоре ворвется в их благоустроенную обитель и заберет *свое*.

И теперь в свои двадцать семь лет он твердо решил бросить все то, чему его обучил родной дедушка. Алекс мечтал убраться из города, отправиться в Европу и начать новую жизнь, в которой он добьется успеха в чем-нибудь ином. Он хотел ездить в комфортном автомобиле, жить на берегу океана и вести спокойную жизнь обычного человека. Возможно, даже немного диковатую, но в ней обязательно должен присутствовать роскошный автомобиль, ведь он, как-никак мужчина. И для осуществления своей мечты ему осталось совсем немного. Нужно лишь ограбить еще один дом пузатого бизнесмена, в котором хранится около ста миллионов рублей наличными. Это самый большой куш, который ему предстояло украсть за все годы своей особой «работы».

Алекс стиснул челюсти и, в который раз, прокрутил в голове завтрашний день. Никто и ничто не помешает ему, он готов на все лишь бы никогда больше не видеть этот город.

И как будто читая мысли напарника, Корж сказал:

– До сих пор поверить не могу, что после завтрашней ночи, ты свалишь отсюда. С кучей бабла просто сядешь в автобус и уедешь.

– Еgo еще нужно найти в том чертовом доме.

Корж протяжно хмыкнул и бросил на Алекса самоуверенный взгляд:

– Мойсову придется рассказать, где он хранит свои миллионы. В противном случае я отрежу ему все пальцы и трахну его дочурку, ну, и быть может, молодую женушку. – Мужчина злостно усмехнулся и почесал за ухом, там, где девять лет назад сделал татуировку в виде мелкого знака «крести», потому как считал, что именно эта масть в игральных картах приносит ему удачу. – А самое смешное, что этот крендель живет на самом отшибе, куда даже какой-нибудь заблудившийся хрен не в состоянии добраться. Настоящая удача.

Алекс злостно усмехнулся, сворачивая на забитую машинами дорогу и через пару секунд негромко выругался, проклиная образовавшуюся пробку.

– Отстроил себе хоромы в лесу, напичкал каждый куст камерами и считает, что все под контролем, – продолжал бубнить Корж, доставая пачку сигарет из бардачка, набитого бумажками. Он закурил и выпустил клуб белого дыма в раскрытое окно. – Хотя, с другой стороны, пока есть в мире такие дебилы как Мойсов, у нас будет работенка.

Взглянув на друга, Алекс невольно ощутил себя виноватым. Десять лет они были связаны этой «работой», вместе учились у Роберта искусству грабежа, жили под его крышей и поддерживали друг друга во всем. И теперь, спустя столько времени, Алекс готов был оставить эту жизнь, даже больше – он безумно хотел распрошаться с ней раз и навсегда. Роберту бы это не понравилось.

– Планируешь продолжать? – спросил Алекс тяжелым голосом, стараясь не выдать досаду.

– Все может быть, – улыбнулся напарник, затянувшись сигаретой. – А вообще, надеюсь расширить дело Роба. Хочу открыть огромный магазин для охотников и рыбаков, чтобы все нормальные мужики в городе знали только одно место, где можно купить оружие, удочку и камуфляжный костюм.

– Это хорошая мысль. У тебя получится.

– Думаешь? Я ведь буду скучать по этому жесткому адреналину, что испытываешь всякий раз, когда врываешься в золотые замки. Неужели тебе не станет скучно?

– Я хочу эту скуку, – признался Алекс ровным голосом. – Хочу спокойствие.

– Если бы ты сказал такое лет пять назад, я бы со смеху помер, честное слово! Помнишь как мы отрывались после удачного «заплыва»? Бог мой, сколько спиртного, сколько девочек и счастья!

«И наркоты», – с отвращением подумал Алекс, стиснув челюсти.

– Не хочешь убраться отсюда?

– Нет, брат, я не такой отчаянный, как ты. Может и правда расширо дело нашего ста-рика, куда-то ведь столько капусты надо деть, а? – засмеялся он. – Но, ты же знаешь, я быстро перегораю. Наверное, единственное, к чему у меня будет пожизненная тяга, так это к адреналину во время «заплыва» и богатеньким девочкам, – хмыкнул Корж и снова потер за ухом свою татуировку. Алекс давно заметил эту привычку, и понял, что напарник делает это либо, когда сильно обеспокоен, либо когда непременно жаждет чего-то. – В любом случае, я буду счастлив, поверь мне.

И Алекс верил. Но он не был до конца уверен в способности друга держать все под контролем. Его внезапная импульсивность часто брала верх над здравым смыслом, что чаще всего сказывалось весьма негативно как на «работе» так и за ее пределами.

Их группа состояла из четырех человек, но в действительности, никто из них не мог так четко продумать весь план работы, как Алекс, включая непредвиденные ситуации. По натуре своей он был слишком наблюдательным, мог долго молчать во время оживленной беседы и со стороны казался слишком отстраненным от всеобщей суэты. На самом же деле он просто много думал. Если в поле его зрения появлялся объект, так или иначе привлекший к себе внимание, Алекс невольно погружался в его изучение. Это не на шутку выводило его из себя, ведь заинтересоваться клочком смятой этикетки от бутилированной воды мог только идиот, которому нечем было заняться.

«Почему ее оторвали? Тот, кто сделал это явно нервничал и пытался хоть как-то отвлечься». И пошло поехало...

Алекс снова выругался и нетерпеливо пересек двойную сплошную, уезжая в обратном направлении.

– Поехали сегодня в бар вечером? Там по-любому будет много таких же папенькиных шлюшек, которым скучно сидеть дома.

– У нас работа завтра.

– Ал, ну, давай! Никто напиваться не будет, зуб даю! Просто отдохнем с парнями, выпьем по кружке пива и уедем. А ты сможешь еще раз провести наблюдение за объектом.

– Меня уже тошнит от этих идиотских фразочек, – злостно кинул Алекс. – И наблюдать больше не за чем. Я знаю все об этой семействе, вдоль и поперек. Даже какими прокладками пользуется твоя пустышка и ее молодая мачеха.

– Тогда просто выпьем пива, брат! Успокойся ты.

Но Алекс был взбешен уже тем, что даже обыкновенный отдых ассоциировался не с простым трепом языком за выпивкой, а со «слежкой за объектом». Он знал, что в любом месте, куда бы его не привела судьба, а он всегда будет вести наблюдение. За кассиршей, потирающей нос, за барменом, недоливающим несколько капель спиртного и за всеми, кто громко кашлянет, чихнет или закурит. Все чаще ему хотелось лишиться памяти, чтобы забыть об этой осточертевшей осторожности, внимании к деталям и собственных умозаключениях, которые,казалось, самостоятельно формировались в голове, стоило ему только несколько минут понаблюдать за кем-либо.

– Ладно, поедем в бар, – сказал он тяжелым голосом. – А завтра, пока твоя пустышка будет на вечеринке, мы грабанем ее папашу, и я навсегда уеду отсюда .

ГЛАВА 1

2011 год

Небольшая кожаная сумка с минимальным количеством вещей лежала на пороге квартиры и одиноко ждала своего часа. Через несколько минут рядом с ней появился огромный стальной чемодан. Новенький и блестящий он буквально излучал изысканность, которой совершенно не обладала его слегка затертая соседка, развалившаяся на кафельном полу.

– Рита заедет за тобой с минуты на минуту, так что, советую сесть и ждать звонка. Не забудь выключить везде свет и проверить окна, они должны быть закрыты. Сегодня-завтра обещают дожди.

– Конечно, – сдержанно ответила девушка, накручивая на макушке объемную шишку. Она неотрывно глядела на свою мать, что так любила отдавать приказы по любому поводу и, в который раз, с облегчением подумала, что в ближайшие два месяца ее снова не будет дома.

– Не злись. Нужно всегда помнить о мерах безопасности.

– Я с четырнадцати лет живу одна по несколько месяцев подряд, мам. И пока за эти четыре года у нас ни разу не случилась какая-нибудь бытовая катастрофа, о которой ты постоянно думаешь. – Сделав паузу, она тихо добавила: – И я не злюсь.

Женщина заправила за ухо длинную прядь светлых волос ассиметричной модной стрижки и с нетерпением взглянула на dochь:

– Будь умницей и не каркай, ладно? Я пашу как проклятая, чтобы ты ни в чем себе не отказывала, переживаю за тебя, а ты только и делаешь, что постоянно пререкаешься со мной.

Мысленно, Белла закатила глаза, ведь снова началась заезженная песня, в которой она – плохая dochь, готовая идти против воли матери, а та, в свою очередь, истинный пример мудрого родителя, делающего все для счастья собственного ребенка. По правде же, Белла знала, что мамины долгосрочные командировки по разным странам мира, были ни чем иным как любимым сердцу хобби, за которое платили хорошие деньги, и конечно же, идеальной, как считала сама Оксана, отговоркой на любой случай.

«Меня не будет на твоем выпускном, снимаем ролик в Амстердаме».

«Я не приеду на Пасху, отправляюсь в Пекин».

«Жаль, что на твое пятнадцатилетие я буду в Мексике. Не скучай!»

– И, кстати, декан университета с радостью примет тебя на факультет журналистики даже без предварительного собеседования, – сообщила Оксана, скорее с упреком, нежели с радостью. Хмыкнув, она взглянула на часы: – Абитуриенты будут трястись от страха, переживать, а ты просто сядешь на кухне пить чай. Могла бы и «спасибо» сказать.

– Я этого не просила. И ты прекрасно знаешь, что я выбрали другую профессию.

– Никакой другой профессии нет и быть не может, – заявила Оксана, выставив перед собой указательный палец. – И хватит уже говорить об этом.

Белла громко втянула носом воздух и с трудом проглотила комок раздражения. Последняя тема, которая вносила раздор в маленькую семью, состоящую из этих двух совершенно непохожих друг на друга женщин – образование Беллы.

– Только представь, уже с первого курса ты сможешь практиковаться на телевидении, Алла Горич с удовольствием возьмет тебя под свою опеку и…

Девушка нетерпеливо тряхнула головой и, развернувшись на пятках, сделала несколько шагов в сторону гостиной, заставив мать замолчать. Даже эти несколько шагов, что отделяли ее от уверенной в себе женщины, казались ей настоящим спасением. По крайней мере, она

могла набрать в легкие воздух и погасить в себе бурю недовольств и обид, что накопилось в ее душе предстаточно за эти несколько лет.

– В чем дело? – спросила Оксана и принялась завязывать лакированные бежевые туфли на плоской подошве. Она бросила на дочь равнодушный взгляд, полный пустоты и непонимания, одаривая им всякий раз, когда та делала что-то не так.

– Я замолчала, а ты все продолжаешь говорить об этом. Ничего не изменится, мам. И точка.

– Это мы еще посмотрим, – как бы невзначай добавила Оксана со злой усмешкой.

От злости Белла прикусила щеку. Ну, почему ее матери было так важно оставить последнее слово за собой? Почему бы не пожелать дочери удачи на экзаменах и сказать, что все будет хорошо. Господи, можно ведь даже просто притвориться, что переживаешь!

– Тебя такси ждет, собираясь скорее. – Белла скрестила руки на груди, опустив взгляд на свою сумку. Обыкновенный жест помогал ей «спрятаться» от давления матери, которая словно огромный молоток старалась вбить в свою дочь как можно больше острых гвоздей со своими хотениями.

– Ничего страшного, подождет. Я ему за это деньги плачу. – Завязав шнурки, Оксана выпрямилась и накинула на плечи джинсовую куртку, стараясь не замечать недовольство дочери, нервно сгрызающей внутреннюю стороны щеки. Иной раз ей вообще казалось, что Белла не ее родная дочь, ведь их взгляды на жизнь и интересы совершенно не совпадали. – Ладно, вроде бы все. Отдохни у Риты хорошенько, идет?

– Идет, – тихо ответила Белла, едва заметно кивнув. – А ты будь осторожна.

– Как всегда, – пожала плечами Оксана и повесила лакированную сумочку через плечо. Ухватившись за ручку стального чемодана, она бросила взгляд на затертую сумку Беллы и недовольно поморщилась: – Сколько ей лет? Ради всего святого, купи себе что-нибудь новое. Не хватало, чтобы Света с Ритой засмеяли тебя!

Белла опустила голову и терпеливо ждала, когда ее мать покинет квартиру. Она уже не могла припомнить, когда в последний раз они обнимались на прощание и разговаривали друг с другом по телефону прямо перед самым вылетом самолета. Белла точно знала, что такие моменты случались, но они были слишком давно. Их заслоняли собой извечные пререкания на самые разные темы. Они ругались, когда Оксана предлагала прочесть определенные книги, к которым Белла не питала особого интереса. Ну, как предлагала, слабо завуалировано приказывала. Причиной скандала могло стать даже средство для мытья посуды, которое совершенно не устраивало Оксану, ибо там отсутствовали какие-то компоненты, предотвращающие раздражение кожи. Белла закипала от злости, ведь ее мать ненавидела мыть посуду и всегда составляла грязные тарелки в посудомойку. Но в особенности, женщину выводили из себя сказочные мечты дочери относительно своего будущего, а та в свою очередь считала мать энергетическим вампиrom, который безжалостно высасывал из нее силы. И даже длительная разлука не могла смягчить их непростые отношения.

– Я позвоню, как прилечу! – добавила Оксана уже возле лифта. – Пока!

Белла лишь помахала рукой и, закрыв входную дверь, с облегчением выдохнула. Хорошо, что во время сдачи оставшихся итоговых экзаменов матери не будет дома, и подготовка к ним пройдет в спокойной обстановке. Никакой ругани, никакого давления, никаких слов о журналистике.

Слабо улыбнувшись предстоящей спокойной жизни, Белла все же проверила, закрыты ли окна и везде ли выключен свет. Она могла бы провести эти выходные со своей одноклассницей Катей, прогуляться по городскому парку и посетить новую кафешку под открытым небом, но вместо этого вынуждена уехать к дяде и общаться с его недалекой дочерью с колossalным самомнением. Да уж, оно было размером с Луну. Белла всегда чувствовала себя не в своей тарелке, находясь рядом с Ритой, которая то и дело хвасталась перед ней какими-нибудь побря-

кушками, что покупал ей отец. С самого детства она была избалованным ребенком, полагающим, что весь мир вертится вокруг нее, а став студенткой финансового факультета, Рита и вовсе вознесла себя до небес. Белла со смехом полагала, что больше всего ее двоюродной сестре нравились слова «финансы» и «траты» и иной раз представляла, как Рита сидела на лекции, жевала жвачку, свысока разглядывая всех вокруг, и как только преподаватель произносил эти слова, в ее карих глазах начинали сверкать зеленые значки со светящимся долларом. В детстве эта девчонка обожала играть в Барби и никогда не подпускала Беллу к своим куклам, хотя сама без проса хватала ее игрушки. Такие моменты, наверное, навсегда остаются в памяти, только зачем – непонятно.

Вспомнив, как Рита отломала руку ее любимой кукле с длинными белоснежными волосами, Белла нахмурилась и обреченно взглянула в окно на пасмурную улицу.

Зачем вообще ее мать приняла приглашение от дяди погостить на выходных в его огромном доме? Конечно, Белла отказывала ему раз пятнадцать в прошлом году, ссылаясь на завал в учебе и начавшуюся подготовку к экзаменам, но почему нельзя было сделать этого и в шестнадцатый раз?

Когда зазвонил мобильный телефон, Белла поежилась, увидев на экране фотографию улыбающейся Риты, которую она скачала из социальных сетей. Задержав взгляд на щербинке между зубами, Белла нехотя нажала на кнопку ответа:

– Привет, – сказала она обреченным голосом.

– Эй, систер, ну, где ты?

Типичный нахально-развязный тон и чавканье розовой жвачки послышались в трубке.

Да, жвачки Риты всегда были розовыми.

– Выхожу.

– Давай-давай, я жду.

Отключив вызов, Белла еще раз обошла комнаты, и удостоверившись, что все выключено, а окна закрыты, она подняла свою любимую дорожную сумку и вышла из квартиры.

На улице было тепло, несмотря на ветер и темнеющее небо. В такую погоду всегда хорошо читалось, а запах дождя успокаивал мысли. Белый «Мерседес» стоял у самого подъезда и нетерпеливо ждал гостью с пошарпанной сумкой.

К удивлению Беллы, Рита вышла из машины, поцеловала сестру в щеки и помогла засунуть сумку в багажник.

– Надеюсь, у тебя там есть что-нибудь коротенькое? – пролепетала она, захлопнув крышку. На ее остром лице огромные круглые очки с черными стеклами смотрелись слишком громоздко, а короткая белая юбка-трапеция то и дело подлетала от ветра, ни сколько не смущая свою хозяйку. – Сегодня идем на вечеринку!

– Что? Нет, – скованно улыбнулась Белла, садясь в машину. Она пристегнула ремень безопасности, ведь пасмурная погода и черные очки у водителя – не самое безопасное сочетание. – Я думала мы проведем выходные у вас дома.

– Так и есть, но это же скучотища смертная! К тому же, на прошлой неделе тебе исполнилось восемнадцать, а мы так и не отметили это событие! – захихикала Рита, откинув прямую медовую челку, которая так и норовила попасть в глаза.

– Мама была занята, а я готовилась к экзаменам.

– Оксана всегда занята, я ее уже сто лет не видела! Ну, разве, что в телевизоре, где она постоянно что-то говорит и говорит в свой микрофон, – засмеялась девушка, резко выехав на дорогу. – Кстати, как твои экзамены?

– Отлично. Осталось еще два по профильным предметам.

– Пойдешь по стопам мамочки, да? – как будто с насмешкой спросила Рита, внимательно оглядев свое лицо в зеркале заднего вида. – Кстати, как тебе моя помада? Классика Диор.

Белла натянуто улыбнулась:

– Хорошая. Тебе очень идет красный.

– Спасибо, моя хорошая! Ты красишь волосы, да?

Белла машинально стянула резинку с высокого пучка, провела пальцами по длинным светлым волосам, упавшим на плечи, и отрицательно покачала головой.

– Странно. Такой холодный и ровный оттенок, как будто тонируешься, – с подозрением сказала Рита, и на несколько секунд задержала взгляд на пассажирке. – У тебя такая светлая кожа, да еще и волосы практически белые... Молодец, что хотя бы решилась реснички подкрасить и скулы. Иначе бы вообще прозрачная была, как привидение!

«Хотя бы»?

Белла с силой прикусила щеку, которая уже побаливала не на шутку, и напряженно уставилась в окно. Увидев на пешеходном переходе двух девушек, она искренне позавидовала им, ведь те выглядели такими беззаботными.

– Я так удивилась, когда папа позвонил мне пару часов назад и попросил заехать за тобой, – снова залепетала Рита, заезжая на мост, – тебя Оксана заставила провести у нас выходные?

– Нет, мне самой захотелось немного сменить обстановку, – врала Белла.

Неужели Рита не слышит в ее голосе явную фальшь?

– У меня вообще-то на сегодня другие планы были, ну, да ладно! Выходные будут насыщенными. Мы с подружками собираемся на вечеринку к одному парню и тебе придется идти с нами. Суббота как-никак, надо веселиться! Ненавижу эту дорогу! – обиженно протянула Рита, выезжая на трассу. – Дождаться не могу, когда же у меня будет своя квартира в городе, чтобы я не моталась туда-сюда как проклятая.

– У вас ведь есть квартира, кажется.

Рита недовольно выдохнула:

– Она для папиных гостей по бизнесу, которые изредка приезжают к нам в город. Он там такой ремонт сделал, просто с ума сойти можно, а мне не разрешает даже переночевать в ней, когда приходится поздно возвращаться домой. Если бы ты только знала, как я хочу жить отдельно! Тебе-то повезло.

– Я живу с мамой.

– Но ее практически никогда не бывает дома! – укоризненно подметила Рита. – Приезжает на две-три недели, а потом улетает за тридевять земель на несколько месяцев!

Белла опустила голову:

– Тоже верно.

– Нет, я люблю папу и Свету, но все-таки, мне уже двадцать лет будет через три месяца, а я как пятнадцатилетняя девчонка живу с родаками.

– Некоторые живут с родителями до окончания университета.

– Ага, какие-нибудь придутики, которые еще ездят на этих маршрутках и автобусах. Будь моя воля, я бы съехала от них еще в четырнадцать!

– Я пользуюсь общественным транспортом, – не выдержала Белла и устремила недовольный взгляд на высокочку из детства. – Я тоже дура по-твоему?

Рита подняла очки на голову и наигранно округлила глаза:

– Нет, конечно! Ну, ты ведь поняла о чем я! – засмеялась она, хлопнув Беллу по руке. – Короче говоря, меня раздражает каждый день мотаться в город, только лишь потому, что папочке нравится жить на отшибе. И ладно бы в каком-нибудь благоустроенном райончике с элитными домами, где хотя бы соседи есть, но нет! Мы живем практически в лесу, ты ведь помнишь!

Всю дорогу Белла старалась молчать и только делала вид, что внимательно слушала Риту, которая никак не прекращала трезвонить. Пытаясь отвлечься на разглядывание позеленевшей листвы деревьев и пасмурном почти фиолетовом небе, она представляла свою жизнь через два

месяца, когда вся эта суматоха с поступлением в университет и скандалами с матерью, наконец, прекратится. Очень скоро она вручит ей справку, что является студенткой института психологии, и проблема, что вбивает клин между ними – улетучится. В конце концов, ей придется смириться с выбором Беллы.

Если бы только отец смог приехать к ней и поддержать в столь сложный и переломный период в ее жизни, она бы не чувствовала себя так одиноко и беспомощно. Выясняя отношения с матерью, она изо всех сил старалась скрыть от нее эти чувства, ведь почувствуй Оксана эту внутреннюю слабость – количество забивающих в нее гвоздей в миг бы увеличилось. Так уж она была устроена.

Оксана не поддерживала выбор дочери, и по мнению Беллы, никогда даже не пыталась понять ее интересы и увлечения. Все, что интересовало мать – журналистика и телевидение, в котором она работала уже больше десяти лет. Оксана стремилась создать из дочери свой собственный прототип – уверенную и целеустремленную женщину, а самое главное – современную. Она не хотела, чтобы ее умница-дочка сидела дома и варила борщи, ожидая мужа-работягу с работы. Нет, в ее грезах Белла блестала на экране, уверенным и четким голосом оповещала страну о важных событиях, произошедших в мире, и так же как и она занималась съемками документальных фильмов, за работу над которыми ее удостаивали престижными наградами. Никакого мужа и детей, только карьера.

Иной раз Белла видела сожаление в глазах матери, что в свое время та увлеклась начинавшим фотографом Станиславом, приехавшим в огромный город из какой-то глубинки, где в те времена еще знать не знали, что такое фотограф-натуралист. В действительности, уверенная в себе Оксана была сражена наповал мужской скромностью и обаянием молодого двадцатилетнего парня, который уже тогда делал невероятные снимки бездомных животных и небольшими шажками обретал популярность. В двадцать лет Оксана забеременела и обучение в университете пришлось затормозить, зато у молодого отца Беллы карьера шла только в гору. Это не могло не выводить из себя некогда целеустремленную девушку, мечтавшую работать на телевидении еще с пеленок. И, когда Станислав уехал в Европу вместе с группой фотографов, Оксана в буквальном смысле возненавидела его. И вовсе не из-за того, что он не смог присутствовать при родах и не имел возможности помочь ей на первых порах с ребенком, а исключительно из-за успеха, которого постепенно добивался. Ей было стыдно перед родителями и подругами, что какой-то паренек из глубинки смог построить успешную карьеру, в то время как она из обеспеченной семьи и связями не смогла даже университет закончить вовремя. И когда Белле исполнилось два года, Оксана продолжила обучение и вскоре получила долгожданный диплом. До тридцати лет Беллу воспитывали бабушка с дедушкой, а их целеустремленная дочь, кирпич за кирпичиком, строила карьеру.

Станислав обосновался в столице и по мере возможности прилетал к Белле с целой сумкой подарков. Она любила его всем сердцем и этой любви никак не могла понять Оксана, как и того, что дочь не питала интереса к ее ремеслу. Она пришла в настоящее бешенство, когда на шестнадцатилетие Белла попросила в качестве подарка профессиональный фотоаппарат. Вместо этого, Оксана подарила дочери ноутбук, чтобы та учились писать информационные тексты. И, когда отец Беллы все же привез ей большой фотоаппарат «Сони» с выдвигающимся объективом, Оксана чуть было не лопнула от гнева.

– О чём задумалась? Небось, о парне? – проворковала Рита, вернув Беллу на землю. – Какой он у тебя?

– …Что? Нет, я просто вспомнила кое-что. – Расскажи она Рите о том, как мать чуть ли не всю посуду перебила от бешенства, когда увидела тот фотоаппарат, племянница бы посчитала свою тетю ненормальной и уж, конечно же, растрезвонила бы об этом своей семье. – Скоро приедем?

— А ты не помнишь? — усмехнулась девушка, снова взглянув на себя в зеркало заднего вида. — Сейчас уже поворот будет. А ты не увиливай от темы, хитрюга!

Белла скрестила руки на груди и с непониманием взглянула на нее.

— Кто же он?

— У меня никого нет, да и с чего ты взяла это?

— Знаешь, когда мы виделись с тобой в последний раз, ты была похожа на привидение, ну серьезно! — засмеялась она, и от этого развязного смеха Белла мысленно сделала «Фу». — Я уже тогда хотела предложить тебе попробовать косметику. Парни, знаешь ли, не заглядывают на невзрачных. А сейчас гляди, и реснички подкрасила, и скулы. Ну, так для кого стараешься?

— Ни для кого, Рит.

— Если это правда, то должно быть тебе очень скучно живется. Считай, постоянно одна, мать вечно где-то носит по миру, а ты все учишься и учишься. Нужна ведь эмоциональная разрядка!

— А у тебя есть парень? — спросила Белла, изобразив искренний интерес. Но только изобразив.

Красные губы Риты растянулись в довольной улыбке, открывая взору широкую щербинку между зубами, из-за чего ее не прекращаемая напыщенность и развязность как будто вываливалась наружу. Кого-то щербинка украшала, но в случае с Ритой — лишь подчеркивала ее вредность и избалованность.

— Ну, он не то, чтобы мой парень, мы просто общаемся. Хотя, конечно, он мне нравится. Кстати, сегодня мы с тобой едем на его день рождения! Я уже говорила, да? — хихикнула она. — Купила ему брелок из белого золота и тремя бриллиантами. Классно да?

— Наверное... Погоди, что значит, «мы»? Ты с подружками, да? — напряженно уточнила Белла, уже заранее зная ответ.

— И ты тоже, сестричка! — захихикала Рита и резко свернула направо.

Белла едва успела ухватиться за боковую ручку, чтобы не навалиться на Риту. Теперь они ехали по узкой не асфальтированной дороге, оставляя позади себя клубы пыли. По обе стороны расстилались зеленые цветущие деревья, высокие кусты с травой и разноцветными мелкими цветами.

— Ненавижу эту дорогу, — снова сказала Рита, не притормаживая даже на кочках. — Если бы у моих друзей не было тачек, ко мне бы никто и никогда не приезжал в гости!

Белла крепко держалась за верхнюю ручку, ужасаясь вождению Риты и ее абсолютному безразличию к состоянию машины, которая то и дело скакала по пыльной и неровной дороге.

— Ночью здесь, наверное, страшно, — прокряхтела она, заметив, что на дороге нет ни одного уличного фонаря.

— Говорят, здесь бродит маньяк, которого все никак не удается поймать, но я в это не верю.

Белла округлила глаза и уставилась на Риту.

— Да, шучу я! — засмеялась та, сворачивая налево. — Такая наивная, я не могу!

За окном становилось темнее и несколько капель начинающегося дождя упали на лобовое стекло. Впереди сверкнула молния, да такая яркая, что Белла невольно дернулась и кинула настороженный взгляд в сторону леса. Через несколько секунд раздался тяжелый раскат грома, сотрясая все вокруг, и в отличие от Беллы, с беспокойством оглядывающую местность, Рита растянулась в довольной улыбке.

— Обожаю такую погоду, — протянула она, сворачивая направо. — Есть в ней что-то таинственное, да?

— Мы когда-нибудь приедем уже? Как будто кругами ездим.

— Это все папочка постарался! Кошмар, правда? Отстроил такой домишко на краю долбаного Света, а дорогу нормальную сделать не мог!

– Наверное, это очень дорого, – предположила Белла, прислушиваясь к каплям, уже с силой барабанившим по крыше.

– Шутишь? У папы полно денег! – заявила Рита с гордо поднятой головой и вновь свернула налево. – Он стареет, наверное. Ему нравится эта чертова уединенность! – воскликнула она, наехав на огромную кочку. Машина подскочила, и девушки синхронно вскрикнули. – Опять я на нее налетела!

Белла не стала говорить, что с такой манерой вождения недалеко и без машины оставаться, и вместо этого напряженно произнесла:

– Дорога ужасная.

– Не то слово! Как думаешь, резонно в таком случае попросить у папы внедорожник, а? – подмигнула Рита, вытянув кончик языка к верхней губе. – Он-то уж эти кочки точно глотать будет! Мне кажется, что мой «Мерсик» совсем скоро развалится на части!

Белла выдавила улыбку и решила оставить этот вопрос без ответа. В конце концов, разве она сможет повлиять на избалованную девчонку, сказав ей, что следовало бы умерить свой пыл и вести себя более сдержанно?

За очередным поворотом появился высокий забор из темного кирпича метра три в высоту. Центральные ворота в конце дороги начали разъезжаться еще до того, как автомобиль Риты подъехал к ним, и просторный вид внутреннего двора постепенно открывался взору Беллы.

Впереди виднелся круглый фонтан, выплескивающий тонкие струи воды, рядом с ним на светло-серой каменной дорожке стояли два внедорожника, принадлежащих дяде Вале и его молодой жене Светлане, а уже позади всего этого располагался двухэтажный белый дом в стиле модерн с огромными квадратными окнами и прямой крышей.

Когда Рита остановила машину позади темного внедорожника, из центральных широкий дверей вышла высокая молодая женщина с распущенными длинными волосами богатого черного цвета и, растигнувшись в довольной улыбке, помахала рукой.

– Это Света? – удивилась Белла, махнув ей в ответ. – Она изменилась, вроде...

– Угу, согласись, такие пышные губки идут ей больше? И носик стал уже.

Темноволосая женщина в легком кремовом сарафане подошла к машине и открыла пассажирскую дверцу.

– Белла! – улыбнулась она. – Как давно я тебя не видела!

Они обнялись.

– Ты так похорошела! – заметила Белла, остановив свой взгляд на маленькой родинке над верхней губой. Кажется, раньше ее не было там. – Bay!

– Спасибо за комплимент, милая! Какие же у тебя красивые волосы!

– Она определенно красит их, да? – крикнула ей Рита, открывая багажник.

Лицо Беллы порозовело от внимательного взгляда Светы, и улыбнувшись, она поспешила за своей сумкой.

– Где папа?

– В кабинете, общается по видеосвязи с одним европейцем. Боже, как же я рада, что ты приехала к нам!

– А тут не было дождя? – Белла огляделась, заметив, что земля здесь совершенно сухая.

– Ага. А у вас вся машина грязная.

– Сейчас и сюда дождь доберется! – кинула Рита, заходя в дом. – Так, что, прячьтесь! Боже! Как же я голодна!

– Ну, ладно, пойдем я покажу тебе комнату для гостей, – сказала Света, приобняв Беллу за плечи. – Ты ведь давно у нас не была, правда?

* * *

У отца Риты были глубокие залысины, а имеющиеся короткие волосы на затылке светились серебром. Сколько Белла себя помнила, он всегда носил очки с прямоугольными узкими стеклами, и со временем менялась только оправа. Сейчас она была стального цвета с квадратными вставками из черных камней. За ужином мужчина снял их, аккуратно положив на стол рядом со своей тарелкой.

Он не спеша ел лазанью, которую приготовила Света, и изредка принимал участие в женском разговоре, касающегося недавно открывшегося торгового центра и лучших стилистов города. Белла хоть и понятия не имела кто такие Денис Орнольц и Клара Стужа, о которых все говорила Рита, тем не менее уверенно кивала и делала «угу» всякий раз, когда от нее нужен был какой-то ответ.

- Он сочетает несочетаемое, ведь правда? – говорила Света, восторгаясь этим Денисом.
- Угу.
- Клара лучшая в своем деле! – поддакивала Рита.
- Угу.

И только, когда речь зашла об образовании Беллы, Валентин Мойсов активно подключился к разговору.

– Решила связать свою жизнь с психологией значит, – задумчиво произнес он, не спеша потирая острый подбородок. – Оксана останется с носом. А что потом?

Белла скованно улыбнулась:

– Выучусь, наберусь опыта во время практики и буду… – На долю секунды она замялась, вспомнив, как впервые Оксана отреагировала на ее планы. Вдруг и дядя начнет злостно язвить, как и его сестра? – Буду помогать людям, нуждающимся в психологической помощи, – просто объяснила она.

– Как в кино? – вставила Рита, вертя в руках квадратный стакан с соком. – Ты будешь сидеть с листочком и рисовать каракули, а какие-нибудь слонята будут плакаться, лежа на диване?

– Многие люди нуждаются в психологической поддержке, и это не значит, что они слонята, – ответила Белла как можно спокойнее. На самом же деле ей хотелось вскочить со стула и выплеснуть вишневый сок прямо в лицо бестолковой и бесчувственной родственнице, которая только могла вертеть носом и ставить себя выше других. – Это хорошее занятие и оно приносит пользу.

– А на этом разве можно заработать деньги? – спросил хозяин дома, демонстративно расставив руки на столе. – В Европе, Америке – да, но у нас… Боюсь, что ты не разбогатеешь на беспомощных людях.

Беспомощные люди.

Белла с трудом проглотила комок обиды и просто пожала плечами, ведь доказывать что-то семейству, зацикленному на деньгах и авторитете – пустая трата нервов, сил и времени. Не удивительно, что Мойсов родной брат ее мамы, они действительно, как будто слеплены из одного теста. Оба чересчур самоуверенные, напыщенные сухари, искренне верящие, что только они знают, *как и что* нужно делать, чтобы получить желаемый результат.

К счастью, или сожалению, Белла не была такой. Она любила читать, погружаться в художественный мир героев различных эпох и несколько дней подряд жить чужими жизнями. Ей нравилось гулять по городу, есть сахарные булочки в одной городской столовой, куда в обеденное время приходили подкрепиться обычные работяги, и куда бы ее мать даже на порог не ступила, заявив, что вокруг одна сплошная антисанитария. В ее сумке всегда был мешочек с кошачьим кормом, ведь по пути мог попасться бездомный кот, нуждающийся в еде. Втайне от Оксаны Белла всю зиму работала волонтером, помогая бедным животным найти кров и заботливых хозяев. В ее квартире три недели жил пес по кличке Джо, которому пришло ампути-

ровать заднюю лапу. Она радовалась как ребенок, когда его забрали новые хозяева, и плакала одновременно, ведь за несколько недель она слишком привязалась к черно-рыжему псу с голубыми глазами, но понимала, что Оксана ни за что не разрешит оставить его. И Белла твердо решила вернуться в эту организацию, как только сдаст экзамены и поступит в университет.

Иной раз самой себе она казалась настоящей инопланетянкой, оказавшейся на земле по чьей-то неведомой ошибке. Быть может, будь у нее хотя бы такое же упрямство и вредность, как у матери, она и не чувствовала бы себя так безнадежно одиноко. Тогда бы они с Оксаной, возможно, и понимали друг друга.

Когда зазвонил сотовый Риты, ее болтовня и скрипучий смех прервали унылые мысли Беллы, а Валентин и Света принялись обсуждать грядущую постройку небольшого домика для двух горничных, которыми они планировали обзавестись, и удлиненного гаража для квадроцикла, гидроцикла и вездехода. Молодая хозяйка дома была катастрофически недовольна, что задний двор похож на мусоросборник, ведь большая его часть была заставлена мешками и различными строительными материалами.

– Белл, вставай и пошли собираться скорее! – скомандовала Рита, поднявшись на ноги. Она чмокнула в щеку своего отца и снова бросила взгляд в сторону двоюродной сестры. – Вставай!

– Вы на вечеринку к Максиму? – поинтересовалась Света. – Надеюсь, подарок, что ты купила, ему понравится.

Белла сложила столовые приборы на тарелке и подняла глаза на Риту, ожидая ответа.

– Еще как понравится! Девчонки пишут, что собираемся раньше, а нам еще до города добираться черт знает сколько! Ненавижу эту глушь!

– Рита, – вроде бы укоризненно, но уж слишком безразлично сказал ее отец, вскинув светлую бровь. Его апатичный тон ничуть не удивил Беллу, ведь Рита в их семье могла позво-лить себе высказываться резко и весьма необдуманно. – Успокойся.

Белла поблагодарила хозяев дома за вкусный ужин, который ей, к сожалению, так и не довелось доесть, и нехотя двинулась за сестрой на второй этаж.

– Что у тебя есть из шмоток? – бросила та через плечо.

Белла плелась за ней по коридору словно несчастный подчиненный на службе у какого-нибудь обозленного на весь мир чиновника.

– Джинсы и футболка.

Рита резко остановилась перед дверью гостевой спальни, куда заселили Беллу, и бросила на сестру привередливый взгляд.

– Шутишь, наверное? Это же вечеринка! Нужно надеть что-нибудь коротенькое.

– Я там никого не знаю, да и в джинсах мне будет куда комфортнее, чем в короткой юбке.

Рита только фыркнула и пихнула дверь в комнату. Пока она направлялась к шкафу, Белла несколько раз сделала глубокий вдох, пытаясь обуздить разрастающуюся злость и не наорать на эту высокочку.

Зачем только ее мать приняла это приглашение? Она ведь знала, что у Беллы были свои планы на эти выходные и точно в миллион раз занимательнее и полезнее, чем пустая трата времени в доме надменного семейства. Хотя, может это все ее рук дело? Хотела, чтобы ее брат постарался промыть своей племяннице мозги насчет образования? Вполне возможно.

– Рит, я не горю желанием куда-то ехать, к тому же в такую погоду, – обреченно сказала она, бросив взгляд в окно, за которым лил сильный дождь. – Поезжай со своими друзьями, развлекись, а я лягу спать.

– Ты что, монашка? Какая-нибудь трехсотлетняя бабуленция? – спросила родственница, вскинув бровь точно так же, как и ее отец. – Если честно, я бы с удовольствием сделала все так, как хочешь ты, но мой папочка будет недоволен, что я оставлю тебя. Так что, наденешь что-нибудь из моего. Пошли!

Она схватила Беллу за руку и потащила за собой в свою спальню. Ее комната оказалась в несколько раз больше, чем та, куда заселили Беллу, но в ней было слишком много зеркал. Куда не глянь, а всюду Белла видела свое изумленное лицо.

– Жаль, что ты слишком худая и большинство моих вещей просто будут висеть на тебе, как на вешалке, – хмыкнула Рита, из собственной гардеробной, забитой разноцветными шмотками.

– Это ты слишком толстая, а не я худая, – не сдержавшись, буркнула Белла себе под нос.

– А? Ты что-то сказала? – протянула Рита, выйдя из гардеробной с несколькими нарядами.

Белла только улыбнулась и бросила мимолетный взгляд на сверкающую одежду.

– Ему лет пять, но по размеру, думаю, тебе будет как раз, – сказала Рита, протянув сестре короткое платье с расклешенной юбкой, полностью покрытое золотыми мелкими пайетками.

Белла вытаращила глаза и сразу же запротестовала:

– Ни за что! Я не хочу быть разряженной сорокой! Прости, Рит, но лучше я пойду в своем.

– Одевайся, Белл! Нам надо ехать уже! А на плечи накинешь вот эту джинсовку, – приказала Рита, бросив сестре укороченную темно-синюю курточку. – Ой, обувь же еще!

Когда она снова скрылась в гардеробной, Белла с опаской взглянула в темное окно, за которым бушевала весенняя гроза, и в сотый раз ощутила себя глубоко одинокой и совершенно неуместной. Так случалось, когда мать брала ее с собой на какие-нибудь торжественные мероприятия и представляла каждому из гостей в дорогих костюмах и платьях. Люди улыбались ей, говорили, как рады познакомиться с дочерью Оксаны Стоцкой, которая явно собиралась пойти по стопам знаменитой мамы. Все были убеждены в этом, словно в мире, где жила Белла, ничего другого, кроме телевидения и журналистики, не могло существовать.

– Как тебе? – улыбнулась Рита, протянув ей бежевые босоножки на высоком каблуке и вставкой из разноцветных камней. – Идеально подойдет к платью!

– Рит, мне будет неловко в такой одежде, к тому же среди незнакомых людей.

– Ну, меня то ты знаешь, – подмигнула сестра, – так что, не парься. Надевай все, а я пока поправлю макияж и тоже переоденусь.

Через несколько минут Белла вернулась в спальню сестры, одетая в ее дорогую одежду. В удивлении Риты проскользнула детская обида, словно ее собственные наряды сидели на Белле лучше, чем на ней.

– Ну… Миленько. – Это было единственное, что она смогла из себя выдавить.

На первом этаже в просторном холле с огромным аквариумом в центре, девушки встретила Света, с бокалом красного вина в руках. Она окинула Беллу восторженным взглядом и игриво подмигнула ей:

– Секси!

Меньше всего на свете Белле хотелось выглядеть именно так, как сказала Света, ведь по своей натуре девушка была слишком застенчивой для своих лет и своего времени.

Пока другие пытались замаскировать собственные недостатки под слоями тонального крема, а светлой коже придать бронзовый отлив под лампами солярия, Беллу же природа наделила воистину королевской красотой, не требующей никаких вмешательств. В свои восемнадцать она пока еще не понимала этого, но те, у кого были глаза без мутной пелены зависти, восхищались ее распахнутым взглядом, светлой фарфоровой кожей, светящейся здоровьем и полными губами оттенка нежной розы. Таким как Рита, высокомерным девицам, ее внешность казалась посредственной и скучной, ведь острое лицико, лишенное тонны макияжа и косметологических вмешательств, попросту не могло быть привлекательным в современном мире.

– А вы поедете куда-нибудь? – спросила Рита, сняв ключи от машины с крючка над большим сенсорным экраном системы безопасности.

– С ума сошла, в такую-то погоду! – хихикнула Света, чуть пошатнувшись от вина. – Собираюсь поплавать в бассейне и лечь спать. Я поставлю дом под охрану, и прошу тебя, не забудь включить систему, когда закроешь за собой входную дверь. – Она сделала еще глоток вина и повернулась к Белле: – На прошлой неделе твоя сестра вернулась поздно ночью вместе с подружкой и забыла ввести код блокировки, таквой сирены был таким сумасшедшим, что я едва не оглохла и чуть было не попала в больницу от сердечного приступа! Прошу тебя, напомни ей ввести три пятерки три семерки, ладно?

– Хорошо, – улыбнулась Белла.

К машине пришлось бежать, что есть сил, ведь проливной дождь и прохладный вечерний ветер в миг остужали теплые молодые тела. Когда девушки занырнули в салон автомобиля, обесточили зубами от холода.

– Не стоило так одеваться, Рит, – выстукивала Белла, обнимая себя руками. – Может все-таки переоденемся во что-нибудь теплое? У меня пальцы на ногах заледенели.

– Красота требует жертв, крошка! Сейчас согреемся.

– Мне нельзя болеть, у меня экзамены на носу.

Безразлично фыркнув, Рита включила радио, и салон охватила зажигательная песня Кэти Перри Last Friday Night, которая очень нравилась Белле. Она даже заулыбалась, глядя на танцующую сестру, пытающуюся согреться, и на долю секунды подумала, что возможно, все было не так уж и плохо, как казалось на первый взгляд.

Однако, всю дорогу к дому именинника Максима, ее беспокойство, относительно наряда и этого вечера, постепенно усиливалось. Она все старалась натянуть низ платья до самых колен, но ткань из-за пайеток была словно дубовая и никак не желала растягиваться.

Что бы сказала Оксана, увидев свою дочь в таком вызывающем наряде?

И, вспомнив о матери, Белла тут же полезла в маленькую черную коробочку, которую никак нельзя было назвать сумкой. В ней с трудом поместился бальзам для губ и зеркальце.

– Я оставила сотовый в доме, – с досадой протянула Белла.

– Ну и ладно, подумаешь! – отмахнулась Рита. – Выходные ведь.

– Мама может позвонить.

– Она ведь знает, что ты у нас, зачем ей звонить тебе? К тому же, на вечеринке будет нереально весело и, поверь мне, уж точно не до телефона!

Рита припарковалась у одного из высоких жилых домов из темно-коричневого кирпича, находящегося на закрытой территории. Здесь был какой-то собственный мирок для весьма обеспеченных людей с огромной детской площадкой и дорожкой для бега, собственным фитнес-клубом и салоном красоты.

Дождь продолжал барабанить по крыше автомобиля, и Белла с грустью поинтересовалась:

– Наверное, до подъезда идти долго, да?

– Он с обратной стороны дома, и если бы у меня был пульт от шлагбаума, то мы смогли бы подъехать прямо ко входу. Придется бежать.

На счет «три» обе выскочили из машины и побежали к дому, прикрывая головы джинсовыми куртками, за несколько секунд промокшими насквозь. Белла сгорала от стыда, когда они проходили мимо консьержки, осуждающе оглядевшей их с головы до ног, и зайдя в просторный лифт, она напряженно вздохнула:

– Я чувствую себя девочкой по вызову, Рит. Ужасно все. Не понимаю, как вообще согласилась нацепить на себя эти вещи.

– Ну, безусловно, на мне-то они сидят куда лучше, просто ты же не захватила с собой ничего для вечеринки.

Как же хотелось стукнуть ее по голове этой черной коробочкой на тонкой серебристой цепочке, в которую не поместился бы даже сотовый. Наверное, поэтому Белла и забыла свой гаджет, потому что подсознание уже знало, что его некуда будет деть.

– Приехали!

Когда двери лифта разъехались, послышались глухие звуки музыки. Оставалось только посочувствовать соседям, вынужденным терпеть не прекращаемое грохотанье.

– Наконец-то, приехала! – прокричала кудрявая высокая девушка с огромными золотыми серьгами-кольцами в ушах. Они с Ритой чмокнули друг друга в бронзовые щеки, не касаясь при этом губами, и несколько секунд пошептались. – Я – Женя, но все зовут меня Джином. Потому что я обожаю джин-тоник! – после этих слов подвыпившая девчонка закатилась смехом и, схватив Беллу за низ платья, потащила за собой в квартиру.

Словно испуганный маленький зверек, загнанный в логово хищников, Белла заглядывала в огромные комнаты с танцующими парнями и девушками, с тревогой пробегала глазами по многочисленным бутылкам элитного алкоголя и с трудом гасила в себе желание сорваться с места и бежать, куда глаза глядят. Было во всем этом дорогостоящем хаосе что-то грязное и отталкивающее, а в особенности запах сигарет, которым провоняло жилище.

Женя, а точнее – Джина, отпустила ткань юбки и, пританцовывая, подошла к стойке длинного домашнего бара. Она забрала два стакана с прозрачной жидкостью и кусочком плавающего лайма.

– Держи!

Белла неуверенно запротестовала и почувствовала, как замерзшие с улицы руки, увлажнелись.

– Давай, это мой джин-тоник! – улыбалась девушка, буквально тыча стаканом в лицо.

Взяв его, Белла натянула улыбку и сделала вид, что отпила содержимое. Делать ей больше нечего было, как пить неизвестно что.

– Вот и молодец! А теперь веселись, ладно? О, Рита уже с Максом. Танцуй, крошка!

С этими словами Джина двинулась в кучку импровизированной танцплощадки, оставив растерянную Беллу в одиночестве. Переминаясь с ноги на ногу, она с силой сжимала прохладный стакан с выпивкой, пытаясь отыскать сестру. Так и не заметив прямых медовых волос и короткого ярко-красного платья, Белла решила найти спокойное место в этой огромной квартире и тихонько переждать. Быть может ей удастся спрятаться от назойливых взглядов подвыпивших парней, с интересом разглядывающих ее оголенные ноги.

И как только Белла двинулась в сторону коридора, один из парней схватился за ее кисть и ловко притянул к себе, а жидкость в стакане расплескалась по полу и руке.

– А у нас новенькая! – протянул он ей на ухо, прижимая к себе. – Как тебя зовут, крошка?

Белла с силой оттолкнула блондина и окинула его ненавистным взглядом, скрывая испуг и недоумение. Она ничего не ответила, а просто сорвалась с места, как будто изголодавшийся волк готов был сию секунду кинуться на нее. Выбежав в прихожую, где толпились вновь прибывшие гости, Белла с опаской оглядела невероятных размеров кухню. Там громко смеялись подвыпившие девушки и несколько парней, вальяжно развалившись на стульях. Один из них не стесняясь поглаживал попу одной из красоток.

Чувствуя непреодолимую тревогу, Белла вновь заглянула в гостиную, где продолжались танцы и громкие поздравления, адресованные имениннику, и увидев рядом с темноволосым накаченным парнем Риту, глядящую на него влюбленными глазами, Белла тут же двинулась к ней.

Пока именинник обнимался с друзьями, дарившими ему огромные коробки в подарочной блестящей бумаге, Белла схватила Риту за руку и подтянула к себе:

– Я хочу домой, отвези меня, пожалуйста.

– Ты шутишь? Мы же только что приехали! – ответила сестра, скинув свою руку так резко, словно Белла испачкала ее.

– Мне не по себе здесь, Рит, пожалуйста, поехали домой!

— Господи, да расслабься же ты, дурочка! Когда еще сможешь побывать на такой отпадной вечеринке? Иди потанцуй и выпей свой коктейль!

— Мне не нравится здесь и я хочу домой! — запротестовала она, с силой поставив стакан на журнальный столик с липкими потеками.

— Господи, ну заладила же! Возьми такси и езжай к себе тогда, а завтра утром я заеду за тобой! — рявкнула Рита и бросила обожаемый взгляд на именинника.

— Знаешь, Рит, я бы с удовольствием это сделала, если бы была одета в свои вещи, а не в эту проституцкую одежду! Мой телефон и ключи от квартиры остались в твоем доме! — зло выкрикнула Белла, заметив на себе взгляд того блондина, что позволил себе распускать руки. — Поэтому будь так добра, отвези меня обратно. Я тебя сразу предупреждала, что ехать сюда не хочу, но ты сама потащила меня.

Несколько секунд Рита буравила сестру недовольным взглядом, а потом, вытащила из своей сумочки сотовый и сунула Белле несколько бумажных купюр.

— Я закажу тебе такси, поедешь сама.

— Ты шутишь?

— Макс, я сейчас вернусь! — крикнула Рита, изобразив приветливую улыбку. Она с раздражением схватила Беллу за руку и потащила ее за собой к выходу.

У лифта Рита вызвала такси и объяснила диспетчеру, куда нужно ехать. Сунув Белле странный маленький ключ, она нервно заявила:

— Не вздумай заявиться домой через центральные ворота, поняла? Этим ключом откроешь решетку в заборе, со стороны леса. Папа сделал ее для каких-то своих целей, но меня она ни раз выручала.

— То есть я, что, должна пробираться в дом через какую-то решетку, Рит? Ты с ума сошла?!

— Я не хочу расстраивать папу и лишиться очередного подарка только из-за того, что тебе вдумалось припереться домой раньше времени. Он очень расстроится, узнав, что я не смогла развлечь тебя, ясно?

Белла отказывалась верить в происходящее и только беспрерывно хлопала ресницами, ошарашенно глядя на возмущенную сестру.

— Там темно, но ты отыщешь ее, я уверена.

— Рит, пожалуйста, отвези ты меня... Это же бред какой-то...

— Белл, я планировала остаться здесь с ночевкой, понимаешь? Макс мне очень нравится и я ему тоже, поэтому... Ну, не будь дурой, ладно? Ты же все понимаешь! — усмехнулась она.

— И ты собирались отправить меня на такси с самого начала, да? Зная, что остаешься здесь с ночевкой?

Рита нетерпеливо выдохнула и на пару секунд закрыла глаза, как будто вся эта ситуация поганила ей жизнь.

— Я думала, ты познакомишься с кем-нибудь и поедешь по городу кататься, или на крайний случай, поспишь в коридоре или где-нибудь еще.

— Ушам своим не верю!

Белла больше не могла смотреть на нее и слушать этот высокомерный тон. Сейчас больше всего на свете она злилась на собственную мать, которая прекрасна знала, какой вредной и избалованной была Рита, и тем не менее решила подкинуть ей Беллу на выходные, словно игрушку, которую можно было таскать за собой и выбрасывать, когда та становилась неугодной.

С силой сжимая в руке маленький ключ, Белла прикусила щеку и поморщилась от боли. От этой пагубной привычки она сможет избавиться только когда перестанет общаться с самовлюбленными родственниками и родной матерью, которая только и делала, что ставила свои интересы на первое место.

– Белл, – окликнула Рита смягчившимся тоном, – пожалуйста, не звони в центральные ворота. Ты решетку эту найдешь без труда, держись левой стороны забора и почти в самом его конце увидишь черную стальную дверцу. Пролезешь в нее и попадешь на нашу территорию.

– А как я попаду в дом, Рит? – раздражительно бросила Белла через плечо. – Как при-видение пройду сквозь стену?

– В задней части дома, возле гаража, есть панель, она с виду как стена, но на самом деле это дверь. В ней нет ручки, она работает от нажатия.

– Боже, куда я попала! – чуть ли не плача воскликнула Белла, а Рита тут же подскочила к ней и аккуратно взялась за ее плечи.

– Это папа придумал, я понятия не имею зачем. В общем, присмотрись и увидишь на стене семь темных камней, надави на любой, прям сильно надави и дверь откроется. Сигнализация не сработает, не переживай. Как только зайдешь в дом, с левой стороны будет полка, в нее вмонтирована кнопка. Нажмешь ее и дверь закроется, поняла?

– Рит, а не проще сказать папе, что у меня просто разболелась голова, и я решила вернуться домой, чем заниматься… этим?

– Белл, я не хочу, чтобы он огорчался! Прошу тебя! Я не хочу его расстраивать и не хочу Макса оставлять, потому что здесь полно девчонок, которые липнут к нему. Ну, в общем, пожалуйста, помоги мне. Ты попадешь в кладовку на кухне, а оттуда тихонько доберешься до второго этажа по узкой лестнице на кухне. Ею никто не пользуется! Закроешься у себя и ляжешь спать.

Двери лифта открылись, и Белла неуверенно зашла в кабину.

– Пожалуйста, сделай все, как я сказала, Белл. Я буду благодарна тебе до конца моих дней!

* * *

Водителем такси оказался пожилой мужчина в больших круглых очках с толстенными стеклами. В отличие от Риты, он аккуратно объезжал все кочки, опасаясь за свой скрипучий и грязный «Рено», и совершенно не обращал внимания на свою пассажирку в коротком блестящем платье, которая то и дело взволнованно вздыхала на заднем сиденье. Он лишь изредка интересовался, правильно ли они едут.

Завидев высокий забор, освещаемый светом мутных фар, Белла попросила мужчину остановиться.

– Здесь? – удивился он, с сомнением оглядывая местность через лобовое стекло. – Я отвезу вас к самым воротам.

– Нет, не нужно. Я хочу прогуляться. – Белла достала деньги, которые дала ей Рита, и протянула водителю. – Спасибо.

– Но здесь же грязь кругом, как вы пойдете? – не унимался водитель.

Белла решила не отвечать на вполне резонный вопрос и, вежливо попрощавшись, вышла из машины. Высокие тонкие шпильки тут же провалились под мокрый песок, а в лицо нагло ударил пронизывающий ветер. Хорошо, что хотя бы дождь прекратился. Взглянув вперед, куда попадал свет желтых фар, девушка невольно поежилась, заметив как верхушки деревьев колышутся в черном небе, создавая зловещие шорохи.

Нервно выдохнув, Белла пошла в сторону высоких ворот. Несколько раз ее замерзшие ноги проваливались в ямы, налитые дождевой водой, и когда автомобиль, наконец, развернулся и направился прочь, вся местность погрузилась в невероятный мрак. Холодный ветер злобно завывал, словно был недоволен приближением лета, а шорохи листвы как будто посмеивались над глупостью молодой девушки, нелепо передвигающей ногами. Привыкнув к темноте, Белла осторожно двинулась вперед, постепенно приближаясь к забору. И, когда, в очередной раз ее

нога провалилась в глубокую лужу, она со злостью отстегнула ремешки промокших босоножек и, чертыхаясь, нетерпеливо стянула их. Стуча зубами от холода, Белла твердо решила зайти в центральные ворота, ведь унижаться ради Риты и лезть как какая-нибудь воришка в решетку, находящуюся черт знает где, она не желала. Будь у ее сестры хоть капля совести и здравого смысла, она бы просто-напросто оставила Беллу дома, а не тащила за собой, зная, что та будет только мешать. Нет, Рита была законченной эгоисткой, позволившей себе жалобно умолять ее не заходить в центральные ворота лишь потому, что боялась остаться без очередной дорогой побрякушки от папы. Ну, что ж, хотя бы честно призналась в своих корыстных целях.

Думая обо всем этом, Белла злилась и недоумевала, каким образом она – умная и здравомыслящая молодая девушка, согласилась нацепить на себя эту блестящую тряпку и дать помыкать собой! Да, еще и кому – двоюродной сестре, с пеленок считавшей себя королевой. И хотя Оксана была уверена, что ее племянница стала такой «колючей» после смерти матери, когда девочке только-только исполнилось пять лет, Белла не сомневалась, что эгоизм был получен Ритой еще при зачатии.

Пройдя всю длину забора и злясь на собственные мысли, Белла свернула за угол, но тут же остановилась. Около закрытых ворот стоял автомобиль, похожий на микроавтобус. В его салоне горел тусклый желтый свет, слабо освещая сидевшего внутри водителя.

Клацнув от холода зубами, Белла тихонько вернулась за угол и обреченно обняла себя замерзшими руками. Должно быть к Мойсовым приехали гости, и водитель, как верный пес, ждал своих хозяев.

Что подумают о ней, увидев ее грязные ноги, и как она объясnit отсутствие Риты? Еще пару секунд назад она уверенно шла к воротам, намереваясь честно рассказать дяде, как с ней поступила его любимая дочь, но теперь, когда в доме не только ее родственники, но и очередные богатенькие вороны в павлиньих перьях – Белла засомневалась в своем решении. Сегодня ей хватило и того, что над ее будущей профессией потешались родная мать с дядей, а двоюродная сестра, лишенная по всей видимости серого вещества, то и дело старалась показать, насколько она во многом превосходит Беллу.

Со злостью и отчаянием выбросив босоножки в кусты, девушка двинулась обратно к самому началу забора. Теперь она шла куда быстрее, ведь все тело содрогалось от холода. Дойдя до угла, Белла с опаской взглянула в темнеющую гущу листвы, заслоняющую собой кирпичную стену и, дернувшись, снова развернулась в обратном направлении, совершенно не понимая, что же ей делать дальше.

Нет, она не могла лезть сквозь кусты и деревья на поиски какой-то там решетки, ведь она нормальный и трезвомыслящий человек. Она все объясни Свете и дяде, примет горячий душ и как маленькая проказница, будет с упоением подслушивать, суровые речи дядюшки, огорченного поведением своей безмозглой дочурки.

И подумав об этом, Белла сделала резкий выпад вперед, но мысли о матери тут же завладели разумом, и она вновь замерла на месте, сотрясаясь от холода.

Оксана ни за что не поддержит дочь, в красках объясняющей свою правду. Она, как и всегда, скажет, что Белла живет фантастическими мечтами, не имеющими ничего общего с реальной жизнью, вновь напомнит, что на дворе двадцать первый век и молодые девушки обязаны заводить полезные знакомства, веселиться и идти в ногу со временем, а не торчать в четырех стенах с очередной книжкой в руках. И снова заработает тошнотворная карусель, о будущем образования, о карьере и планах, которым должна следовать Белла. И, конечно же, мать осудит ее поступок, ведь оставить Риту одну, проявившую к сестре, внимание и заботу – верх неуважения.

«Как ты могла заявиться в дом в таком виде? Да как тебе в голову взбрело бросить Риту и уехать? Белла, иной раз мне кажется, что ты живешь в другом мире! Все девушки, как девушки! Знакомятся, веселятся и при этом могут совмещать отдых с учебой. А ты же вечно сидишь в

книжках, занимаешься какой-то бессмысленной ерундой, не уделяешь внимания моде и красоте, и постоянно ставишь меня в глупое положение перед людьми!»

Представив как мать вываливает на нее очередное недовольство, подобное тягучей жиже, Белла проглотила комок обиды, полностью уверенная, что именно так все и будет.

Она никогда не стремилась целенаправленно выводить Оксану из себя ведь ее осуждения не просто огорчали, а оставляли глубокие рубцы на сердце. И сейчас меньше всего на свете ей хотелось снова выслушивать пламенные речи матери о том, какая же она неблагодарная дочь. Но Белла не считала себя такой. Она была воспитанной, искренне любила и уважала своих родителей, но если всякий раз слышать эту фразу от родной матери, так или иначе уверенность в этом постепенно будет ослабевать.

Тяжело вздохнув, Белла ступила на влажную хлюпающую землю, чувствуя как грязь пролазит между пальцами. Ветер смахнул одинокую слезу обиды с ее лица и, как будто, удовлетворившись этим, улетел прочь, погрузив все вокруг в пугающую тишину. Левой ладонью Белла вела по забору, а правую держала перед собой, чтобы не наткнуться на острые ветки деревьев и елок, прятавшихся в ночной тьме. Несколько раз ее нога наступала на острые мелкие камни, причиняя боль холодной ступне, но она упорно двигалась вперед.

Пройдя слишком много и не нашупав никакой решетки, Белла не на шутку запаниковала, а когда левая ладонь просто провалилась в пустоту, говоря о том, что забор уже закончился, она и вовсе упала духом. Развернувшись в обратную сторону и вновь прикоснувшись к прохладному кирпичу, Белла попыталась вспомнить слова Риты.

«Держись левой стороны забора и почти в самом его конце увидишь черную стальную дверцу. Пролезешь в нее и попадешь на нашу территорию».

Стуча зубами, Белла принялась ощупывать стену, не веря в происходящее. Кто бы видел ее сейчас – точно покрутил бы пальцем у виска и вызвал скорую помощь. Но как только ее ладони уперлись во что-то холодное, она едва не закричала от радости.

Решетчатая дверца оказалась в самом низу забора. Белла встала перед ней на колени и без труда нашупала замочную скважину. Улыбаясь, словно только что отыскала древний клад, она достала из сумочки ключ, который дала ей Рита, и дрожащими от холода руками, принялась просовывать его в замочную скважину. Звуки щелчков как будто согревали ладони, а мысль, что совсем скоро она окажется в теплом доме, заставила торжествующе улыбнуться.

Белла поспешно распахнула скрипучую дверцу и словно Алиса из страны чудес, нырнула в волшебную страну. Только реальность была слишком далека от сказки. Пока она пролазила под густыми и твердыми кустами невероятно беспощадного растения, лицо руки и ноги исцарапались в кровь, а колени утопали в мокрой земле. Когда тусклый далекий свет уличного освещения стал бить в сторону лесочка, Белла с трудом поднялась на ноги, резко скинув с лица прилипшую прядь волос. Несколько секунд она пыталась отдохнуться, и когда, наконец, почувствовала внутреннее спокойствие, осторожно двинулась в сторону задней части дома. Она шла лесом, боясь, что кто-нибудь мог заметить ее, глядя в окно. Дойдя до сброшенных стройматериалов, мешков и досок, Белла вышла из тени деревьев и елей, с детской радостью наступив на прохладную каменистую дорожку. Чувствуя себя маленьким проказником, она побежала до гаража, внимательно осматривая стену дома. Увидев те самые семь темных камней, она торжествующе улыбнулась, словно настоящий искатель сокровищ, наконец, нашедший древнее золото, и быстрым шагом подошла к скрытой невидимой двери. Все, что происходило сейчас казалось невероятным приключением, которое могло разве что присниться.

Прежде, чем нажать на любой из камней, Белла потерла ноги о каменную дорожку, отряхивая куски грязи. Она еще не решила, как пройти в дом, не оставив ни единого своего следа, в прямом смысле этого слова. Но главное – нужно было хотя бы просто попасть туда, а уж с грязными ногами она как-нибудь разберется.

Выдохнув, она со всей силы нажала на выпуклый камень, и узкая дверца с глухим щелчком резко оттопырилась.

– Невероятно, – простучала Белла зубами и аккуратно раскрыла выдвигающуюся панель. Воистину приключения Индианы Джонса!

Зайдя в длинную кладовку, она тут же растерла грязные руки и принялась нащупывать кнопку на одной единственной полке, рядом с дверцей. Почувствовав небольшую выпуклость, Белла снова улыбнулась и надавила на нее. Панель как будто всосалась в стену и в миг стала невидимой глазу.

Белла сама не понимала, чего на самом деле ей хотелось сейчас – смеяться или плакать. Она радовалась как ребенок, до конца прошедший какую-нибудь компьютерную игру, и вместе с тем глубоко разочаровывалась в самой себе. Не будь ее мать критиканом, отказывающимся понимать свою дочь, она бы ни за что не пошла в лес и не стала бы пробираться в дом таким грязным способом. Оглядев свои испачканные ноги и руки, расцарапанные в кровь, Белла с досадой усмехнулась. Кто бы мог подумать, что субботняя ночь будет такой насыщенной. Когда она вернется в город, то обязательно поведает своей подруге Кате эту невероятную историю, а та, как обычно, станет охать и ахать, хлопая большущими зелеными глазами.

Сделав шаг в сторону двери, Белла едва не закричала от страха. Мелкий светильник у самого пола резко включился в автоматическом режиме, бросая узкую полоску света на ее ноги. Увидев, насколько они грязные, она ужаснулась. Боже, наверное, еще никогда она не выглядела такой замухрышкой. Оглядев высокие полупустые стеллажи с закатками, Белла надеялась найти бутылки с водой, чтобы хоть немного смыть эту грязь. Постепенно, она пробиралась вперед, но ничего, кроме мешков с мукой, сахаром и картошкой не было. Свет постепенно зажигался, тщательно следя за движениями гости и медленно затухал, когда она уже подходила к самым дверям.

Снова переминаясь с ноги на ногу, Белла растерла ладони и чуть-чуть приоткрыла одну из двух дверей с широкими решетчатыми вставками. Сквозь них был виден широкий кухонный островок с подставкой из сверкающих ножей и корзина фруктов, а за ним – широкая квадратная арка, за которой доносились глухие шуршанья и разговоры.

Решив, что хозяева и их гости отдыхают в гостиной, Белла прикусила посиневшую от холода губу и тихонько раскрыла дверь. Едва она успела сделать шаг, как из глубины дома послышался выстрел.

Белла замерла на месте, чувствуя как к горлу поднимается тошнота, а в голову ударяют тысячи разрядов адреналина. Теперь ее губы сотрясались не от холода, а от жуткого страха, сковавшего все ее тело.

И снова раздался выстрел, послышался звон разбившегося стекла, а следом и какая-то возня. Белла пыталась заставить себя рвануть на второй этаж в комнату для гостей и вызвать подмогу, ведь творилось что-то ужасное. Но ноги словно приросли к полу.

– Хочешь, чтобы я прострелил твою чертову башку, а? Хочешь?!

Яростный мужской крик, словно острое лезвие, раздался из глубины дома, окончательно уничтожив в Белле оставшуюся уверенность. Она едва могла дышать, воздух стал плотным и тяжелым, а темнота вокруг сгустилась так резко, что превратилась в непроглядную тьму.

Медленно Белла сделала шаг назад, придерживая дверцу, чтобы та не издала ни единого звука. Замерев на месте, она держала дрожащие руки перед собой, позабыв о холоде и горячих царапинах на коже. Ее зубы громко клацали, ведь парализовавший тело страх, не желал подчиняться здравому смыслу. Где-то далеко в глубине сознания тонкий голосок приказывал ей взять себя в руки и бежать наверх. Она может вызвать полицию, спрятаться в комнате и ждать помощи. Никто не знает, что она здесь и в этом ее преимущество. Но как только, казалось бы, внутри появилась слабая надежда на спасение, над головой послышался грузный топот.

Слишком поздно бежать.

Застыв как ледяная статуя, Белла закрыла глаза и дрожащими губами прочитала молитву.

ГЛАВА 2

В тот вечер громко играла музыка: то хип-хоп с тяжелыми басами, то попса, под которую разодетые студентки извивались словно коварные змеи. Звуковые удары молотили внутренности, как будто пытались раскачать крепкое мужское тело у барной стойки и заставить его хозяина выйти на танцплощадку.

Но все было безрезультатно.

Четырнадцатого февраля в танцевальном баре, куда Алекса буквально потащил за собой Палый, яблоку негде было упасть. В день всех влюбленных, наверное, запрещено оставаться в одиночестве и высокий парень в одеянии священника вместе с девчонкой в костюме ангела ходили по залу и «женили» всех кого не лень. И хотя пару раз эти двое останавливали на Алексе заинтересованные и театрально-жалостливые взгляды, мол «давай мы найдем тебе девчонку, чтобы не сидел в одинокого», тот заметно хмурился, ясно давая понять, чтобы они держались от него подальше. Подобное веселье было не для него, как и дурацкий праздник. Он просто сидел у бара и пил вторую кружку пива с чесночными гренками. Палый к тому моменту уже накатил пять стопок текилы и ушел веселиться с короткостриженой блондинкой в кожаных штанах и красной почти прозрачной майке.

Возможно, не будь Алекс в тот вечер так озабочен будущим охотничьего магазина своего деда, который находился на грани разорения, он бы смог познакомиться с какой-нибудь студенткой, навратить с три короба о своей жизни, немного послушать ее для приличия и завершить это знакомство быстрым перепихом. И тогда, спустя три с половиной месяца, все сложилось бы иначе...

Он действительно хотел, чтобы магазин Роберта процветал, но его совершенно не интересовала эта сфера деятельности, более того несколько раз Алекс элементарно забывал вовремя перечислять зарплату четырем сотрудникам и вести налоговый учет. Наверное, если бы не Корж, который изредка интересовался делами и на какое-то время брал часть организационной работы в свои руки – магазин бы уже давно закрылся.

Чувствуя вину перед дедом, который доверил ему свой единственный легальный бизнес, Алекс обхватил голову руками и уставился в тарелку с тремя оставшимися гренками, почувствовав справа от себя источник терпкого травянистого запаха. Он потер нос и бросил мимолетный взгляд на соседку с медовыми волосами и прямой челкой. Девица пришла вместе с двумя подружками, они заказали какие-то коктейли и все пытались перекричать громкую музыку.

Алексу нужна была новая жизнь, абсолютно противоположная. Нет, он не мечтал превратиться в какого-нибудь офисного клерка и сидеть перед компьютером целый день, выполняя указания начальства. К тому же, ни на какую серьезную работу его бы не взяли, ведь диплома об окончании высшего учебного заведения у Алекса не было. В зеленой папке с документами имелись сертификаты платных курсов по информатике и программированию, этичному хакингу и радиоэлектронике, которые Алекс прошел ради своей особой «работы». У него был богатый опыт проникновения в чужие компьютеры и скачивания базы данных, взлома и полного контроля систем безопасности домов, но таким в резюме не похвастаешься. Он и сам не до конца понимал, чем именно хотел заняться, но определенно это должно было быть связано с электроникой.

«Господи, она та еще курица! Представляете, стоило папе купить мне «Мерсик», как вдруг этой дебилке тоже приспичило обзавестись именно таким же! Ни собственного мнения, ни фантазии, вообще ничего!»

Он не мог всю жизнь заниматься налетами и грабить богатых людей. Ему уже стукнуло двадцать семь лет, а за плечами только слежки, прослушки, запугивания и вечное внутреннее беспокойство, из-за чего невозможно вдохнуть полной грудью. Он не боялся ошибиться на «работе», потому что был достаточно умен и внимателен. Его взгляд не бегал из стороны в сторону, когда мимо проходили полицейские. Эта тревога касалась его будущего. Что с ним будет через десять лет? Снова подсядет на наркоту, когда вопросы о собственной значимости в этом мире, станут разъедать его изнутри?

Алекс верил, что у каждого человека есть свое предназначение, но вот в чем заключалось именно его?

«Хорошо, что сегодня я ночую у тебя! Хоть напиться можно и не садиться за руль. Надеюсь на двадцать лет папа удосужится подарить мне квартиру! Я уже заколебалась каждый день ездить из города в город, из города в город!»

Деньги. Все вертелось вокруг этих бумажек. Дети умирали от болезней, только потому что родителям было не по карману дорогостоящее лечение, пьяные ублюдки, сбившие пешеходов, откупались от тюрьмы, пожилые люди, всю жизнь проработавшие на одного «дядю», не могли отправиться в путешествие и своими глазами увидеть мир, потому что большая часть miserной пенсии уходила на оплату счетов. Справедливый мир. Очень справедливый.

«Шутишь? Конечно, папа может позволить себе такой подарок! Я же не виллу в Италии прошу, а? Хотя, и ее он бы мог мне подарить!»

Алекс мысленно выругался, слушая бесконечный треп и писклявый смех справа от себя. Если бы он умел «отключаться» от внешнего мира, его жизнь наверняка стала бы проще.

Нервно огляделвшись, он снова заметил на себе заинтересованный взгляд девчонки в костюме ангела, и тут же отвернулся.

В тот момент он захотел исчезнуть. И вовсе не из бара, куда по-прежнему валил народ, а подвыпившие весельчаки ненароком толкали его в спину. Он хотел уехать из города. Если уж начинать новую жизнь, так почему бы не сделать этого в другом месте? Чтобы, как говориться, все было с чистого листа.

Алекс глубоко вздохнул. Он бы с радостью так и поступил, но для отъезда нужны были деньги. Опять деньги. Все упиралось в разноцветные бумажки, которых у него не было.

«Да брось! Я буду настаивать на двухуровневой, это ведь моя мечта! Хочу смотреть сверху на танцовщицу толпу, когда будет проходить какая-нибудь вечеринка! Поскорее бы уже жить подальше от предков!»

«Заткнись! Заткнись! Заткнись!» – мысленно орал Алекс, жадно допивая оставшееся пиво.

Как он вообще мог различать слова при такой грохочущей музыке? Что это? Linkin Park? Интересно, а этот чертов навык можно включить в резюме?

«Я тебя умоляю, папа не обанкротится на этом! Ну, подумаешь потратит на свою любимую дочь миллионов так сорок из своей ма-а-аленькой стомиллионной заначки. Но ведь я у него единственная и любимая! К тому же, куда ему девать这么多 денег? Дома в сейфе уже места нет! Серьезно вам говорю! Он ведь не доверяет банкам! У него есть один знакомый банкир, так папа болтает с ним о всяком, ну, по-приятельски, но когда речь заходит о банковских штуках... Говорит, «слушай, закрой рот и не говори мне про свои ячейки, фонды и безопасное хранение, иначе поругаемся», да-да! Мой папа странный до ужаса, но я его безумно люблю!»

И вот тогда Алекс замер, как будто рядом с ним ползла ядовитая, но чертовски обворожительная змея. Он больше не пил пиво, не думал о магазине деда, не бросал взгляд в сторону друга, веселящегося на танцплощадке. Он слушал.

Снова слушал и наблюдал.

* * *

Вспомнив тот февральский вечер в баре, Алекс сжал челюсти. Впервые почти за десять лет своей особой «работы», он предчувствовал что-то паршивое в этом, казалось бы, тщательно спланированном и таком типичном грабеже. Все шло согласно плану. К тому моменту, как они подъехали к дому и дистанционно отключили систему безопасности, дочурки Мойсова там уже не было, а ее папаша вместе со своей подвыпившей женушкой только-только начали развлекаться в гостиной перед сном. Жаль, что у них этого так и не получилось, ведь, наверняка, после сегодняшней ночи, им еще долго будет не до постельных утех.

Как и всегда группа Алекса без лишнего шума проникла в дом через центральные двери. Все датчики, реагирующие на звук и вибрации так же были отключены, поэтому ни один из этих мелких плоских устройств не отреагировал на появление посторонних, беззвучно передвигающихся по первому этажу дома. И несмотря на такое плавное стеченье вполне ожидаемых обстоятельств, что-то в сегодняшнем «заплыве» было не так, словно Алекс не замечал огромной красной кляксы на белом полотне. Его раздражала маска, которую выбрал Корж, из-за нее лицо то и дело хотелось почесать и сполоснуть холодной водой. Но, стоило признать, внешний вид их банды, как и всегда, был слишком устрашающим, что даже у Мойсова от испуга чуть глаза не выпали из орбит. Его женушка и вовсе начала беспрерывно и истерично орать, словно старалась предупредить об опасности всех белок в лесу. Она заткнулась только когда Корж схватил ее за волосы и приставил к виску пистолет, который Мойсов держал в своем кабинете.

Теперь супруги сидели на полу в разных углах огромной гостиной с белоснежными сверкающими панелями на стенах и огромными картинами в темных широких рамках. Их дом был похож на настоящую галерею в современном исполнении, и Алекс не сомневался, что все эти изображения стоили целое состояние. Но ведь каким же нужно было быть идиотом, чтобы собрать все свои деньги в одном месте, да еще и находящимся на самом отшибе! Никакой охраны в виде хмурых качков с оружием за спиной, или пары тройки доберманов, готовых сожрать любого, кто ступит на их территорию. Даже какой-нибудь пожилой горничной у них не было! Вместо этого Мойсов доверил безопасность своего дома гашеной электронной системе и восемнадцати камерам, установленным по всему периметру. Все это Алекс отключил без особых трудов. Корж прав, когда существуют такие придуры как Мойсов, у них будет работенка. Но уж слишком здесь оказалось все просто.

– Повернись спиной и соедини руки, – приказал Алекс напуганной женушке.

Та забилась в угол, словно несчастная зверушка, низ еешелкового кремового халата оголяя гладкие загорелые ноги, а под глазами размазалась тушь, делая ее похожей на унылую панду. Она всхлипывала и все спрашивала у мужа, что здесь происходит, а тот с непроницаемым выражением и разбитым носом наблюдал за преступниками. Почему именно этот вопрос женщины задавали чаще всего, когда группа Алекса проникала в их дома? Неужели сами не видели, что творилось вокруг?

И не смотря на рыдания своей напуганной женушки, взгляд Мойсова был спокоен, но внимателен, словно все, что происходило в доме никакого его не коробило, а скорее занимало. Но это было далеко не так. Алекс знал, что хозяин семейства лишь демонстрирует сдержанность. Доказательство тому – едва заметное подергивание левого уголка губ и большой палец на правой руке, что он с силой вдавливал в глянцевый пол. Ко всему прочему его грудная клетка заметно поднималась, так что будь он по-настоящему спокоен, то дышал бы животом. Корж никогда не принимал во внимание такие детали, по его мнению, заложники всегда должны были выглядеть до смерти напуганными, поэтому сейчас, глядя на фальшивую сдержанность Мойсова, он едва удержался, чтобы еще раз не врезать по его самоуверенной роже.

– Повернись спиной и соедини руки! – повторил Алекс громче, злясь на неповинование.

На этот раз женщина подчинилась. Громко всхлипнув, она повернулась к нему спиной и сцепила ладони. Алекс ловко смотал их между собой серебристым скотчем, потом развернул ее и толкнул к стене.

– Теперь ноги.

Пока он сматывал ее лодыжки, Корж торжествующе сел на корточки перед Мойсовым, и несколько раз демонстративно склонял голову то на один бок, то на другой.

Молча хозяин дома наблюдал за движением жуткой бело-серой маски с изображением черепа. Огромные черные дыры в зоне глаз и сведенные к центру брови делали ее еще более зловещей. Кости выпирали на скулах, а огромные челюсти с ровными рядами острых зубов, казалось, вот-вот раскроются и ухватят свою жертву за горло. На всех троих грабителях была одинаковая одежда – черная кофта с глубоким капюшоном, такого же цвета

штаны с множеством карманов, перчатки заправленные под манжеты и черные спортивные ботинки на светлой подошве.

– Тебе не страшно? – спросил Корж.

Мойсов и бровью не повел, продолжая глядеть в темные дыры, где по всей видимости, прятались глаза преступника.

Корж жаждал увидеть страх во взгляде мужчины, ведь чувство власти над жизнью другого, приносило ему чрезвычайное наслаждение. Ему нравилось демонстрировать свою силу над человеком, чья судьба была в его руках, и не почувствовав со стороны Мойсова ни капли тревоги, он яростно выхватил пистолет, закрепленный на ремне за спиной, и приставил к его виску.

– Хочешь сдохнуть, герой?

Мойсов молча наблюдал.

Корж резко вытянул руку в сторону коридора и выстрелил. Потом так же молниеносно поднял пистолет практически над головой и выстрелил в огромный стеклянный светильник, разлетевшийся на мелкие осколки.

– Хочешь, чтобы я прострелил твою чертову башку, а? Хочешь?! – кричал он, с силой схватив Мойсова за горло.

Наконец, мужчина часто задышал и отрицательно покачал головой, бегая темными глазами из стороны в сторону. Удовлетворенный результатом, Корж отпустил его и поднялся на ноги.

Третий грабитель запер все двери и поднялся на второй этаж.

– Продолжительность и исход этой ночи будет полностью зависеть от тебя, – говорил Алекс стальным голосом, грубо усадив Мойсова к стене. Он начал сматывать ему руки, заметив, что кожа на них стала мертвенно-бледной. – Не надейся добраться до пистолета в гардеробной, или до своей красной биты, которую ты привез из Штатов – ничего этого уже нет, как и твоего второго пистолета, который ты прятал в кабинете. Думаю, это ты уже понял. – На этих словах Корж хмыкнул и еще раз демонстративно повертел в руках оружие. – Телефонная линия отключена, на сотовую связь стоит глушилка, а система безопасности твоего дома работает в режиме дубликата. Для центра твой дом охраняем и не нуждается в помощи, но самом деле все системы отключены. Все камеры уничтожены. Ты все понял?

Бросив недовольный и вместе с тем встревоженный взгляд, Мойсов поджал губы и сквозь зубы сказал:

– Пошли вы.

Алекс резко оборвал скотч и перешел к ногам.

– Ладно, так уж и быть, разрешу тебе один разок послать нас куда подальше. Но скажешь такое еще раз – твоя любимая женушка останется без пальца. Мы поняли друг друга, да? Итак, я честно рассказал тебе обо всем, не хочу, чтобы ты попусту надеялся на чью-либо помощь,

ведь она не появится, пока ты не поделишься с нами своими секретами. Никто не пострадает, если ты будешь с нами откровенен. А теперь ответь, ты все понял из того, что я тебе сказал?

Мужчина поджал губы и, закрыв глаза, коротко кивнул.

– Отлично. Перейдем сразу к делу, чтобы не задерживать ни вас, ни нас. Где твои деньги? Мойсов часто заморгал и посмотрел на жену.

– У меня ничего нет, кроме того, что вы видите. В спальне полно украшений, часы, кольца. В кабинете есть золотая...

– Нет-нет, – нарочито спокойным голосом перебил Алекс. – Я спросил «где твои деньги?», а не «что у тебя есть?». Ладно, спрошу по-другому, где ты *прячешь* свои деньги?

– Все в банке, – выпалил Мойсов, не сдержав нервный смешок, как будто его спросили какую-то глупость.

– Это не так. Где деньги?

– В банке!

Алекс выпрямился, возвышаясь над ним как огромный шкаф, и не спеша повернулся голову к напарнику, вальяжно облокотившемуся на темный камин. Не будь маски, Корж бы увидел, как пылает лицо Алекса от гнева и раздражения. С другой стороны, Алекс понимал Мойсова, пробующего зацепиться за любую ниточку, чтобы спасти свои миллионы. Только он зря надеялся, что им неизвестно об их существовании.

Корж демонстративно вертел в руках свой любимый секатор с черными лакированными ручками и, повернув голову в сторону всхлипывающей жены, с усмешкой спросил:

– Не подскажешь, как нам разговорить твоего муженька?

Женщина с трудом перевела глаза на мужа, который смотрел только на Алекса перед собой, и неподдельное недоумение в миг отразилось на ее мокром и покрасневшем лице.

– Чего вы хотите? – спросила она дрожащим голосом. – В спальне стоит шкатулка с украшениями, забирайте ее и оставьте нас.

– Побрякушки нам не нужны, – ответил Корж, не спеша направляясь к ней. – Может, лучше расскажешь нам, где ваши деньжата лежат?

– Все в банке, как и у всех, – прошептала она, с ужасом глядя на секатор в его руках. – В моем кошельке есть наличные, но большая часть на карте. Я могу снять все деньги и...

Алекс громко и недовольно выдохнул, заставив Мойсова напрячься, а его женушку резко замолчать.

– Считаешь, мы пришли сюда ради твоих несчастных двенадцати тысяч в кошельке? – спросил Алекс, доставая из кармана длинный плоский нож с заостренным клинком.

Опасный блеск стали самоуверенно сверкнул под точечными светильниками, заставив женщину издать короткий, но звонкий всхлип.

– Что... Что вы собираетесь делать? – шепотом спросила она, не сводя глаз с блестящего ножа в руках Алекса, который он не спеша вертел перед своим лицом, делая вид, что рассматривает каждый его изгиб.

– А ты не догадываешься? – усмехнулся Корж.

– Где твои деньги? – спросил Алекс, повернув голову к Мойсову. Его не интересовала эта хнычающая баба со своей золотой карточкой, как и ее украшения. Все, что ему было нужно и зачем он пришел сегодня – миллионы, которые спрятал в своем доме ее слишком молчаливый муженек. – Где они?

– Господи, Валя скажи, что все деньги в банке! – выкрикнула женушка. – Что ты молчишь?!

– Видишь, даже твоя жена куда разговорчивее, – усмехнулся Алекс, присев на корточки перед Мойсовым. – Наверное, поэтому ты не говорил ей о своей *ма-а-аленькой заначке*.

На лице Мойсова отразилось глубокое удивление, заставив Алекса победно улыбнуться.

– О чём вы?

— О твоей ма-а-аленькой заначке, — ответил Алекс. — Догадываешься, откуда мне известно о ней?

Мужчина опустил взгляд, и бледное лицо на глазах становилось красным от гнева.

— О, вижу ты понял, о чем я толкую, — усмехнулся Алекс, еще раз вспомнив тот февральский вечер.

— Я же говорю вам, все наши деньги хранятся в банке! — со злостью выкрикнул Мойсов. На его алом лице отчетливо читалось отчаяние и ярость.

— Знаешь, что я умею делать этим ножом? — спокойно спросил его Алекс. Положив сверкающую сталь на обе ладони и дав Мойсову несколько секунд на «знакомство», он резко поднялся на ноги и подошел к дальней противоположной стене. — Хочешь покажу?

— Что вы... Что вы будете делать? — вскрикнула женщина, без устали хлопая большими заплаканными глазами. — Что же это... Валя, прошу тебя, расскажи им все... Я не понимаю... Чего они хотят?

Алекс не слушал ее, внимательно глядя перед собой. Мойсов настороженно сидел на полу с вытянутыми ногами, под носом засохла кровь, а очки криво съехали на переносицу.

— Где деньги? — повторил Алекс, выставив правую ногу вперед. Он крепко взялся за стальную плоскую рукоятку и наблюдал за мужчиной перед собой.

— В банке! — огрызнулся тот, что даже брызнул слюной. — Все в банке!

В мгновение ока нож в руках Алекса со свистом метнулся вперед и с глухим стуком вонзился в белоснежную стену, рядом с ухом Мойсова. Мужчина дернулся, вытаращив глаза. Его жена завизжала как резаный поросенок, и ревела так, словно это в нее только что вонзился нож, причиняя жуткую боль.

Мойсов чувствовал холодную сталь, прикасающуюся к уху, и с опаской глядел на Алекса. Тот не спеша приближался к нему, давая время все хорошенко обдумать. Если он дорожит собственной жизнью, то поймет, что в следующий раз при «неправильном ответе» этот нож попадет в него самого.

Молча, вытащив его из стены, Алекс снова развернулся и направился к исходной позиции.

— Пожалуйста, отпустите нас, прошу! Забирайте все, что видите, только не надо...

— Заклей ей рот! — твердо приказал Алекс, не глядя в сторону рыдающей женщины.

Пока Корж разворачивал скотч, Алекс снова выставил ногу вперед и крепко ухватился за рукоятку.

— Где деньги?

Мойсов заерзал и стремительно взглянул на жену. Ее рот закрывала широкая серебристая полоска, а из покрасневших глаз ручьями лились слезы. Нахмутившись, мужчина медленно повернул голову к Алексу, и горделиво вскинул подбородок:

— В банке! Глухой ты уб...

Он не смог закончить фразу, ведь острый клинок молниеносно вонзился в его плечо, заставив взвыть от жгучей боли.

Несколько секунд Алекс наблюдал за ним, склонив голову набок. Теперь он надеялся, что почувствовав боль и серьезную опасность своего положения, Мойсов все-таки сдастся и без лишних уговоров покажет свой сейф с деньгами. Но буквально через минуту мужчина, с торчащим ножом в плече, снова нахмурил широкие брови и выстрелил яростным взглядом в Алекса, словно сумел преодолеть боль от острого лезвия.

— В геройстве нет ничего хорошего, — спокойно сказал Алекс, подходя к нему. — Оно губит людей. Поверь, я не хочу делать больно ни тебе, ни твоей жене. Но если ты будешь продолжать молчать, я продолжу метать нож.

— Вас найдут! — со злостью бросил Мойсов. — Посадят за решетку.

Алекс сел на корточки и взялся за рукоять. И не обращая внимания на его слова, снова спросил:

– Где деньги?

– В банке! Я же сказал, они в банке! Ты глухой что ли?!

Пошевелив ножом, торчащим в плече мужчины, Алекс снова повторил вопрос.

– Хватит! – орал Мойсов, взвывая от боли. – Хватит!

– Я прекращу это, когда ты ответишь мне. И перестань лгать, ты не доверяешь банкам.

Где деньги?

– Ублюдок! Уб… Хорошо! Хорошо! Хватит…

Не спеша убрав руку, Алекс настороженно наблюдал за содрогающимся хозяином дома. Тот пытался отдохнуть, но при каждом вдохе кривился от боли. Кровь из раны запачкала его рубашку, пот стекал по бледному лицу, а женушка громко выла с заклеенным ртом.

– Пожалуйста, дайте воды… – просил он, закрыв глаза.

– Выпьешь, когда мы уйдем. А уйдем мы, когда ты ответишь на мой вопрос.

– Прошу… Я все скажу… Я знаю, чего вы хотите, знаю… Я все понял…

– Конечно ты знаешь, – усмехнулся Алекс. – Вот и говори.

– Пожалуйста! – взвыл мужчина, с трудом удерживая голову, которая то и дело перекатывалась с одного бока на другой. – Пожалуйста… Глоток воды… Я все скажу вам… Скажу.

Видя, как тот с трудом спасает себя от обморока, Алекс все же поднялся, повинувшись странному и усилившемуся предчувствию. Кто бы мог подумать, что Мойсов окажется таким мягкотелым и не сможет пережить один несчастный ножевой удар, да и то не поразивший ни единого жизненно важного органа.

Ругаясь про себя, Алекс направился на кухню, оставив этих двоих напарнику. Он никогда не шел на поводу у заложников и уж тем более не подносил им воды. Терзаемый тревожным предчувствием, он сделал это больше от того, что нуждался в минутной передышке.

Лицо под маской чесалось, кожа, словно, не дышала под плотной тканью. Взглянув на часы с большим циферблатом, он заверил себя, что оставшихся двух часов вполне хватит, чтобы выяснить, где спрятаны миллионы, а потом забросить наличные в сумки и скрыться во тьме. Они не задержатся в этом доме дольше установленных трех часов, но он бы хотел свалить отсюда намного раньше.

Чем быстрее он покинет это место с полной сумкой денег, тем еще ближе станет к своей мечте. Каждую ночь, закрывая глаза, Алекс представлял, каким окажется вид из окна автобуса, который довезет его до ближайшего города. Он будет смотреть на позеленевшие бескрайние поля, раскинувшиеся вдоль дороги, ранним утром небо окрасится в тусклый бледно-голубой цвет и воздух охватит ненавязчивый запах сирени. А чуть позже он сядет в самолет и, когда шасси оторвутся от земли, Алекс мысленно попрощается с прошлым. Позади останутся бесконечные дни, что он проводил в машине, следя за каждым шагом «объекта», изнурительные часы с прослушивающим устройством в руках и такая пустая и дырявая собственная жизнь. Эти фантазии усиливали его веру в собственные силы. Ему удастся сделать все, что было задумано, и пускай, ради этого ему нужно будет тысячу раз метнуть нож в тело Мойсова, чтобы выбить из него информацию. Он изменит свою жизнь. Обязательно.

Схватив прозрачный высокий стакан, Алекс подошел к раковине и включил воду. Наблюдая за прозрачной широкой струей, он снова ощутил странное чувство, заставляющее невидимые иголки впиваться в затылок. Отключив подачу воды, он невольно развернулся и внимательно осмотрел просторную кухню.

Навесные шкафы, широкий стальной холодильник, до отвалу набитый продуктами. Кондиционер, за выступом – узкая лестница, ведущая на второй этаж. Вот здесь, в скрытом ящике над раковиной, женушка хранила упаковку презервативов, на тот случай, если Мойсову присчитят заняться сексом на кухонном столе. Об этом она поведала своим подружкам, когда

сидела с ними в одном пафосном ресторанчике, а Алекс находился в нескольких метрах и пролушивал женскую болтовню.

Хрустальные бокалы свисали над широким островком, на нем стояла подставка с ножами и ваза с фруктами, которые ел только Мойсов. В противоположной стене располагалась кладовка со всякими закрутками.

– Эй, ты уснул?

Алекс обернулся:

– Палый там?

– Думаешь, я бы оставил их одних? – усмехнулся Корж. – У меня вся морда горит и чешется! Послушай, Палый сказал, что в одной из спален стоит небольшая дорожная сумка. На тумбочке лежит телефон, он защищен паролем. Из вещей в шкафу – женские джинсы, футболка и белье. Наверняка, очередная подружка их дочурки.

– Если так, то они уехали вместе, – хмуро сказал Алекс. – Значит, и вернутся вдвоем. Надо поскорее покончить со всем. Герой ничего тебе не сказал?

– Этот урод так и хочет, чтобы я раскрошил его рожу! – прыснул Корж,

подойдя к подставке с ножами. Он облокотился на высокую столешницу и пощупал зеленые яблоки. – Хватит сопли пускать, давай уже переходить к активным действиям! Помнишь, как лет пять назад такой же хрен лишился пальца, так он начал рассказывать столько всего, что остановить невозможно было!

– Через три часа начнет светать, мы должны уйти по темноте.

Корж недовольно выдохнул и просунул руку под маску:

– У меня аллергия на эту хрень!

– Он геройствует, боится за денежки. Еще пара дырок в теле и он сдастся. Но я думаю, этого не понадобится.

– Да он подохнет! Была бы тут его дочурка, которую я так хочу обкатать, этот урод в миг бы раскололся! Может мне трахнуть его истеричку женушку прямо перед ним, а? – зловеще усмехнулся Корж и снова просунул руку под маску. Грубо выругавшись, он стянул с себя маскарадный атрибут и протер лицо руками в черных перчатках. – Дьявольщина какая-то! Такое чувство, что меня атаковал рой муравьев!

Нарушать правила – плохая примета, и Алекс верил в такие вещи.

– Надень маску, – сквозь зубы проговорил он, впиваясь глазами в напарника.

– У меня вся морда чешется из-за нее! Мойсовы все равно сидят в другой комнате!

Алекс недовольно сжал челюсти, ведь внутри него все сгорало от необъяснимой тревоги. Брезгливо взглянув на стакан с водой в своей руке, он с силой зашвырнул его в холодильник, и осколки разлетелись по всей кухне.

– Я сказал, надень маску! – грубо приказал он. – Сейчас же!

«Правило №1. Тело должно быть полностью изолировано от внешней среды. Ни сантиметра открытой кожи».

– Да пожалуйста! – огрызнулся Корж, натягивая ее обратно. – Надоело слюни этому уроду подтирать, возьми себя в руки! Еще и за водой поперся! Что с тобой??!

Нарочито задев Алекса твердым плечом, Корж вылетел из кухни, оставив после себя ощущение телом тяжесть. Несколько секунд Алекс смотрел куда-то перед собой, все еще поглощенный внезапно загустевшим воздухом и колющими ощущениями в затылке. Что-то не давало ему покоя, и уж точно не нарушенное правило напарником. Все началось гораздо раньше.

Услышав тяжелые удары и женское мычание, Алекс обернулся к выходу, как вдруг, вместе с кашлем Мойсова послышался звонкий, но вместе с тем надорванный звук. Где-то из глубины, но определенно рядом.

Алекс насторожился, медленно оглядев помещение напряженным взглядом.

Все тот же стальной холодильник, шкафы, ваза с фруктами на столешнице, ножи. Нет, он не мог спятить. Он слышал звук, который не мог принадлежать никому из четы Мойсовых, находящихся в гостиной.

Может домашний зверек?

Нет, у них не было зверей, кроме этой расфуфыренной обезьянки – их дочурки. Тогда, откуда этот звук?

Остановив взгляд на двух дверцах с широкими решетками, ведущими в кладовку, Алекс, неожиданно для себя, занервничал. И вовсе не от того, что в этой маленькой комнатке мог кто-то оказаться, а лишь от того, что он, возможно, позволил себе совершить ошибку. Принцип его работы – видеть наперед, знать все, что может произойти. Собирая информацию о людях, кого они собирались обчистить, Алекс погружался в чужие жизни, изучал распорядки дня, вкусы, любимые места отдыха и прочие детали. Чтобы совершить «чистое» ограбление и не оставить после себя ни единой зацепки для следователей, Алекс должен был знать все об этих людях. Так его учил Роберт.

Но внезапное понимание того, что он мог в чем-то проколоться – заставило его внутренне сжаться до размера перепелиного яйца.

– Прием! Дочка вернулась. Она у меня.

Алекс не сразу сообразил, что скрежет и мужской голос доносится из рации в заднем кармане его «рабочих» штанов. Это был Скунс, который как обычно оставался за воротами и ждал. Достав небольшой аппарат с короткой антенной, Алекс медленно поднес его к губам:

– Она одна? – прорычал он, почему-то уже догадываясь, каков будет ответ.

– Так точно.

– Тащи в дом, – прошипел он, сгорая от злости на самого себя.

Сжимая в руках радио, Алекс двинулся вперед. Словно хищник, он грациозно и бесшумно крался к жертве, прятавшейся за двумя дверцами. Приближаясь к ним, он все больше ощущал электрические импульсы в теле и тяжесть воздуха, давившего на плечи.

Подойдя вплотную к дверям, Алекс не обращал внимания на жар в лице и страстное желание почесать кожу под маской. Это не имело никакого значения. Он лишь глядел перед собой на широкие решетки, и с каждой секундой его тяжелое дыхание становилось все громче.

И вновь раздался звук.

От нахлынувшего гнева зрачки Алекса увеличились. Теперь он не сомневался, что за дверями был человек, которого они упустили.

Он упустил.

Крепко ухватившись за ручки, он тихо выдохнул и раскрыл двери. Тонкие полоски света бросали лучи на пол, испачканный темной землей. Это были следы аккуратных ступней и просто какая-то мазня. В самом конце кладовки света не было, но отчетливо виднелось что-то блестящее. Медленно двинувшись вперед, Алекс не сводил глаз с незваного гостя. С каждым шагом, он все яснее видел перед собой девушку в золотом сверкающем наряде, низ короткой юбки она крепко держала грязной рукой, натягивая ее на испачканное колено. Другая рука прижималась к глазам, а голова была повернута в бок, словно к ее носу подносили что-то с жутким запахом и она отчаянно пыталась не дышать поганым воздухом.

Окинув девицу нетерпеливым взглядом, Алекс громко выдохнул и со злостью спросил:

– Кто ты такая?

Незнакомка дернулась, словно его голос был острее бритвы, и сильнее сжала ткань своего платья. Алекс не мог увидеть ее лица, но все равно был уверен, что прежде не видел эту девицу. Он знал всех подружек дочери Мойсова, но эту видел впервые в жизни.

– Кто ты такая? – злостно повторил он, но девушка только тряслась не то от страха, не то от холода. Не выдержав, Алекс схватил ее за запястье руки, которой она закрывала глаза, и с силой выкрутил. От боли девица раскрыла рот, но не закричала. – Кто ты?

— Я...племянница...дяди Вали... — шептала она, жмурясь. — Племянница дяди Вали... мне очень больно...пожалуйста отпустите...

Алекс не мог поверить собственным ушам, ведь ни о какой племяннице речи не заходило за последние три с половиной месяца, которые он посвятил изучению жизни семьи Мойсовых. Он вообще думал, что у них не было родственников. Одни только «друзья» на «Ягуарах» и «Порше».

— Как ты попала сюда?!

— Отпустите...пожалуйста...

— Отвечай, как ты сюда попала?!

Девица разрыдалась. Отпустив ткань юбки, дрожащей рукой она указала на стену за собой.

— Что?! — свирепел Алекс. — Что?!

— Там дверь... Прошу, пожалуйста...

Алекс отпустил ее руку и уставился на стену перед собой. Ни ручки, ни замка. Просто стена.

Разозлившись на свою неосмотрительность, он схватил девицу за светлые длинные волосы и заставил подняться на ноги.

— Какая дверь?! Где дверь?!

С закрытыми глазами, девчонка протянула руку за спину и постучала указательным пальцем по стене.

— Открой ее!

— Я пыталась, но... изнутри она не открывается...только снаружи... Там камни и...

Алекс был сыт по горло этой чепухой. Крепче схватив ее за волосы, он потащил девицу за собой в гостиную, где за несколько минут народу значительно прибавилось.

— Это еще кто? — удивился Палый, замотав скотчем руки вернувшейся дочурки Мойсова. — Где ты ее взял?

Не ответив на вопросы напарника, Алекс остановил девицу напротив избитого хозяина дома и резко спросил:

— Ты ее знаешь?! Отвечай!

Мойсов сидел без очков с опухшим глазом и окровавленным лицом. Алексу было все равно, каким образом Корж выпытывал у него информацию, главное было добыть ее. И все же, даже в таком состоянии Мойсов продолжал как будто свысока смотреть на Алекса.

— Отвечу и вы уберетесь из моего дома?

Корж издал нервный смешок, почесывая голову, а Алекса же переполнял дикий гнев.

— Я буду метать в тебя ножи, пока ты, ублюдок, не перестанешь геройствовать. Кто она такая?!

— Это моя сестра! — выкрикнула девчонка возле своей заметно успокоившейся мачехи. — Двоюродная сестра! Папа, чего им надо? Отдай им то, что они хотят и хватит! — плакала пустышка. — Что здесь происходит?!

Ну, вот, снова этот вопрос.

— Я так понимаю, информацией ты не поделился, — заметил Алекс, глядя на Мойсова. — По-хорошему будем, или по-плохому?

Не услышав ничего в ответ, Алекс с силой отшвырнул девицу из кладовки к стене, нагнулся к Мойсову и резко вытащил из его плеча свой нож. Пронзительный мужской крик ударился в стены, заставив женщин Мойсова завизжать.

— Куда попасть на этот раз? В глаз? В ухо? Или в твои яйца?!

— А может, лучше в дочурку? — предположил Корж, усмехаясь.

— Пап, это ведь шутка, да? Пап! Я не хочу! Я не хочу!

– Забирайте все, что видите и уходите! – сквозь зубы прошипел Мойсов, взглянув на Алекса. – Я не буду звонить в полицию в течение часа, обещаю. Этого времени вам хватит, чтобы скрыться, только перестаньте творить весь этот ужас!

– Где деньги? Спрашиваю последний раз, потом уже *ты* станешь умолять меня выслушать тебя, – нетерпеливо говорил Алекс, сжимая в руках окровавленный нож. – Я ведь могу увлечься так, что не стану слушать.

– Пап! Умоляю, скажи им, что они хотят знать! – ревела девчонка.

Но Мойсов молчал, закрыв глаза, словно не хотел видеть того, что собирался творить Алекс.

– Прости, но, твой папочка выбрал другой вариант, – усмехнулся Корж, кивнув Алексу. – Видимо, деньги для него дороже, чем собственная шкура.

– Как и твоя, – со злой усмешкой добавил Палый.

Алекс стремительно шел к противоположной стене. Переполненный гневом, он бросил на часы быстрый взгляд и крепче сжал в руках нож.

– Сейчас твоему папочке будет очень больно, – шептал Корж в лицо заплаканной дочурке, – а потом и тебе.

– Пап! – рыдала та. – Пожалуйста… Пап!

– Знаешь, где спрятаны деньги? – спросил ее Корж.

– В сейфе! Все в сейфе! – ответила девчонка. Бросив на отца разъяренный взгляд, она выкрикнула: – Боже! Да скажи же ты им все, пока нас не убили!

– Закрой свой рот! Закрой свой рот, идиотка! – в бешенстве закричал Мойсов. – Клянусь Богом, если мы выживем сегодня, я отправлю тебя на другой конец света!

Алекс повернулся к ней голову и ухмыльнулся:

– Видишь, как ты разозлила папочку.

У дочурки Мойсова едва не упала челюсть.

– Почему ты… Почему ты так говоришь со мной? – всхлипнула она. – Нас хотят убить, а ты…

– Я сказал тебе заткнуться! Так что заткнись!

На несколько секунд в помещении стало очень тихо, каждый в этой комнате думал о своем.

Алекс выставил правую ногу вперед, и перед тем как приготовиться к броску, бросил взгляд в сторону белокурой девчонки из кладовки. Она сидела на полу, прижимаясь спиной к стене. Ее глаза были по-прежнему закрыты, и только сейчас Алекс заметил, что грязные руки и ноги не перемотаны скотчем. Она просто сидела, дрожа от страха и отворачивая голову от всех так старательно, что казалось, будто совершенно не чувствовала себя частью этой поганой семейки. Словно, ей снился жуткий сон, и она отчаянно пытается очнуться.

– Где деньги? – повторил он, все еще глядя на девицу.

– Урод! – выкрикнула дочка Мойсова, и Алекс тут же развернулся к ней. – Конченый урод!

Прицелившись, он с легкостью метнул нож, который с силой вонзился в бедро девчонке.

– Что вы делаете?! – в истерике заорал Мойсов, стараясь перекричать визг своей дочери. – Хватит! Хватит! Не трогайте ее!

Алекс повернулся к нему голову:

– Твоя чокнутая дочурка только что назвала меня уродом, думаешь, мне это понравилось? Ты ведь согласен, что у нее язык без костей, так что, скажи мне «спасибо», может после этой ночи она перестанет слишком много болтать, а?

– Ты заплатишь за это! – орала девчонка. – Папа! Папа, мне так… Мне так больно! Пожа… Пожалуйста…

— У меня всего один нож, пойми. Каждый раз, когда ты будешь молчать, я буду метать его в любого из вас четверых. А потом — медленно доставать его из вашей плоти. Только подумай, как сейчас будет больно твоей доченьке.

Кивнув напарнику, Алекс снова взглянул на сотрясающуюся девицу у стены. Она продолжала жмуриТЬСЯ, стараясь не видеть и не слышать ничего, что здесь происходило. И когда дочка Мойсова стала орать еще громче, от того, что Корж медленно вытягивал из ее бедра нож, девчонка из кладовки задрожала так сильно, что едва могла прикрывать уши руками.

Алекс стоял как завороженный, впервые почувствовав необъятную тяжесть в груди. Заложники всегда плакали, рыдали и сотрясались от страха, и никто не заставлял его проявить к ним хоть каплю сочувствия. Конечно, он не был в восторге от того, что делал с ними, но ведь иначе невозможно было разговорить их. Иной раз они верещали как серены, приходилось заклеивать рты скотчем, лишь бы не слышать жуткие вопли. Но сейчас, он был крайне обескуражен поведением девушки, на чью семью совершилось нападение. Она единственная сидела здесь не связанная по рукам и ногам, и единственная молчала, хотя и была до смерти напугана.

Ее не должно было быть здесь. Не из-за того, что сам факт ее существования прошел мимо Алекса, а просто потому что *ее не должно было быть здесь*. Он чувствовал это.

Тогда, как же она оказалась в доме Мойсовых, а главное, в какой момент времени появилась? И как *он* мог не узнать о ней за эти месяцы?

Корж протянул ему окровавленный нож, и на секунду замешкавшись, Алекс взял его в руки.

— Скажи им! Господи, скажи им! — выла от боли дочурка, прижимая к ране связанные руки. — Пожалуйста, папа. Я умру... Я сейчас умру...

Секунды, пока на лице Мойсова играли нервы и эмоции, казались вечностью. Его дочь билась в истерике, молодая женушка беспрерывно мычала и продолжала реветь, и только племянница, закрыв уши руками, вжималась в стенку, не открывая глаз.

— Заходим на третий круг, — спокойно сказал Алекс.

Выставив ногу вперед, он приподнял руку, целясь в Мойсова, как вдруг тот закрыл глаза и едва заметно кивнул.

— Отпустите мою семью и я скажу вам, где деньги. Не надо больше никого калечить.

Алекс опустил руку:

— Никто не хотел причинить вам боль. Ты сам довел до этого. Нам нужны только твои деньги и больше ничего.

— Получите свое и грохните нас одного за другим.

— Заберем деньги и уйдем. Проснешься утром и решишь, что это был всего лишь сон.

— Проснусь с дырой в плече, побитой мордой и раненой дочерью? — усмехнулся Мойсов, с горечью взглянув на Алекса. — Хороший сон.

— Я тебя предупреждал. Все зависит только от тебя. Ну, так, где деньги?

Несколько секунд Мойсов молчал, как будто решая, можно доверять преступникам или нет. Он глядел на жену и заплаканную дочь, зажимающую руками рану, а затем, подняв вымученные глаза на Алекса, тихо ответил:

— Под ковром.

Алекс обернулся к широкому угловому дивану в центре гостиной и взглянул на пушистый белоснежный ковер неровной формы.

— Здесь?

Мойсов нехотя кивнул.

Хихикнув, Корж подлетел к указанному месту и сдвинул ковер.

— Здесь ничего нет!

Алекс нетерпеливо взглянул на Мойсова.

— На паркете есть темные вкрапления, поставь туда ногу и прыгни три раза.

– Какого черта?! – взорвался Корж.

– Это шутка? – спросил Алекс, сжимая в руках нож.

– Разве я могу шутить сейчас? – с горечью улыбнулся Мойсов и отвернул голову. –

Поставь ногу и прыгни три раза.

Алекс кивнул напарнику, чтобы тот делал так, как было сказано. Корж не был в восторге от этой глупой идеи, но все же выполнил указания. После третьего прыжка под полом раздался щелчок, и две половицы приподнялись.

– Охринеть, – произнес Палый. – Ты это придумал?

– Встань с ней, – приказал ему Алекс, указав на девицу из кладовки. Сам же, он подошел к потайному сейфу и внимательно оглядел две торчащие половицы.

Приподняв одну, Алекс увидел электронный замок на вмонтированном в пол сейфе. Повернув голову к Мойсову, он спросил:

– Какой код?

Мужчина поджал губы и взглянул на рыдающую дочь. С отцовским огорчением он несколько секунд глядел на нее, а та только выла, как раненый зверь.

– Три единицы, три пятерки, три семерки, – ответил он, бессильно опустив голову. – А теперь смотри, доченька, как ты отблагодарила меня за все, что я делал для тебя.

Замок щелкнул. Потянув вверх дверцу, Алекс тихо выдохнул.

– Охринеть, – шепнул Корж, глядя на прямоугольное глубокое днище, полностью покрытое толстыми пачками пятитысячных купюр. Это был настоящий денежный бункер.

Алекс улыбался и был рад, что маска скрывает его счастливую физиономию. Вот она – его путевка в новую жизнь. Поднявшись на ноги, он махнул Палому. Тот, не издав ни единого звука, подошел к нему.

– Собирайте в сумки, а я кое-что проверю, – шепнул он напарникам.

– Довольна? – со злостью бросил Мойсов. – Я горбатился, зарабатывая эти деньги, а что сделала ты?!

– Пап, я не понимаю...

Алекс спокойно подошел к ней и присел на корточки:

– Спасибо тебе за наводку. Знаешь, а вообще удивительно, что с таким длинным языком, как у тебя, вас еще никто не обчистил. Впредь, не болтай направо и налево какой у тебя богатый папа.

Мойсов метнул колючий взгляд в сторону дочери, глядевшей на Алекса изумленными глазами.

Алекс усмехнулся и направился к девице у дальней стены.

– Я не виновата, папа! Это не я...

Остановившись перед блондинкой в золотом платье, Алекс наклонил к ней голову. Как будто почувствовав опасность, женское тело стало вновь непрерывно дрожать.

– Вставай.

К удивлению Алекса, девчонка без колебаний повиновалась, но все так же стояла перед ним с повернутой в бок головой и закрытыми глазами.

– Иди на кухню.

Он шел за ней по пятам и следил за каждым ее движением, словно ястреб. Несколько раз она хваталась тонкой бледной рукой за стены, как будто боялась оступиться и упасть, а зайдя на кухню и вовсе крепко ухватилась за края столешницы, стоя к Алексу спиной.

– Я буду задавать вопросы, а ты – отвечать, поняла?

– Да – прохрипела она, склонив голову.

Алекс обошел ее и остановился напротив. Он обратил внимание на грязные руки, засохшую землю под ногтями и алый след, который он оставил на тонком запястье.

– Как тебя зовут?

– Б...Белла.

Имя показалось ему *прекрасным*.

– Белла, – обратился он, низким голосом, – подними голову и посмотри на меня.

Теперь блондинка замешкалась. Длинные вымазанные пряди волос падали на ее лицо, и когда она все же медленно подняла голову, Алекс заметил какими красивыми были ее полные губы, побледневшие от страха. И хотя на щеках вырисовывались тонкие темные полоски от потекшей туши, она совершенно не была похожа на своих воюющих родственниц-панд. Было в ее внешности что-то мягкое и по-настоящему женственное, вот только Алекс никак не мог понять, что именно в ней так манило его взгляд. И лишь, когда она медленно открыла глаза, постепенно привыкая к свету, он вдруг ощутил колючее покалывание в собственной груди.

Видел ли он когда-нибудь такие же кристально-чистые голубые глаза, подобные глубоким водам сверкающих озер?

Девушка испуганно глядела на него, боясь шелохнуться, а Алекс, прятавший свое изумленное лицо под маской, не мог оторвать глаз от такой совершенной красоты. До этой минуты он не знал, что значит тонуть в чьих-то глазах, а теперь, нырнув в эти чистейшие воды, он никак не мог оттолкнуться от глубокого дна, чтобы вдохнуть свежий воздух.

– Как ты попала сюда? – спросил он хриплым голосом. Во рту пересохло.

– В кладовке есть дверь... Вы не верите мне, но... Она есть там.

Возможно, она говорила правду, ведь додуматься спрятать сейф под ровным полом мог только человек с богатой фантазией. А у Мойсова она, по-видимому, была еще та!

«Прыгни три раза».

– Почему ты не вошла в центральные двери?

– Рита попросила... – прошептала она, опустив голову.

Алекс не возражал, ведь не видя ее завораживающие глаза, он мог хотя бы немного сообщить. Она и так достаточно напугана.

– Зачем?

Едва заметно девушка покачала головой, закусила щеку и поморщилась:

– Чтобы...мой дядя не узнал...что она отправила меня сюда на такси, а сама...осталась на вечеринке. Она не хотела расстраивать его.

– Как ты пролезла через забор?

– Там есть решетка, Рита дала ключ от нее.

– Поэтому ты такая грязная?

Девушка робко кивнула.

Алекс скрипнул зубами, в сотый раз удостоверившись в полнейшем отсутствии мозгов у дочери Мойсова.

– Почему ты сделала так, как она тебе сказала?

В его голосе явно слышалось недовольство. Алексу не следовало задавать этот вопрос, ведь он не имел никакого значения как для него, так и для дела. Это были ее личные проблемы.

Несколько секунд девушка молчала. Она напряглась, вдавливая пальцы в столешницу, и Алекс видел, как быстро белеют запачканные ногти.

– Это неважно, – вдруг прошептала она, нахмурив бровки.

Даже она, находясь в стрессовой ситуации, понимала, что это было НЕВАЖНО.

– Ты что-нибудь видела, пока находилась в кладовке? – спросил он, твердым голосом.

Девушка тут же отрицательно покачала головой.

– Повторяю, ты что-нибудь видела, пока находилась в кладовке?

– Нет, – ответила она, заметно дернувшись. – Ничего.

«Видела», – с горечью заключил Алекс. Врату у нее совсем не получалось. Грудная клетка слишком часто двигалась, а воздух она уже вдыхала ртом.

– Назови мне свой адрес, Белла.

Голубые глаза в ужасе распахнулись и устремились на него.

– З…зачем?

– Назови мне свой адрес, Белла, – с расстановкой повторил Алекс.

Всхлипнув, девочка прошептала:

– Улица Бока…дом – пятнадцать.

– Квартира?

– Со… сорок три. – Ее голос сорвался, дыхание стало неровным, а по бледной щеке потекла слеза.

Алекс не сомневался, что адрес она назвала настоящий. Очень легко читались на ее лице правда и ложь.

– Послушай, Белла, если ты сказала мне неправду и вдруг захочешь поделиться с полицией своими случайными наблюдениями – я приду к тебе. Адрес мне известен. Пока ты будешь спать, я привяжу тебя к кровати и буду делать все, что захочет мое больное воображение, а оно у меня – по-настоящему извращенное, а напоследок, я перережу тебе горлышко. Я никогда не шучу, запомни это. – Сделав паузу, Алекс вновь спросил: – Ты все поняла из того, что я сказал?

Корж снял маску, могла ли она увидеть его лицо? Если так, то смогла бы она описать его внешность? Слышала ли она их разговор?

– Ответь мне, – прорычал Алекс.

Она закивала:

– Да… Поняла…

Он кивнул:

– Если замечу в твоих действиях что-то подозрительное – я знаю, где ты живешь. Я всегда буду рядом. Помни об этом.

ГЛАВА 3

2017 год

Каждый, кто заходил в просторный холл известной во всем городе фотостудии «Блэк-бери», с раздражением высказывал свое мнение о погоде. Как же тут промолчишь. Явное неодобрение было вполне оправдано, ведь на календаре – середина апреля, теплое солнце согревало землю последние три недели, а сегодня случился самый настоящий облом. Да, это действительно можно было назвать именно так, ведь многие уже упаковали куртки и пальто в специальные чехлы, надеясь не возвращаться к этой одежде по крайней мере до октября.

Липкий снег на обуви в миг превращался в лужи воды, оставляя на белоснежной плитке мокрые следы, а из раздевалки то и дело доносились неодобрительные возгласы парикмахера. Крупная женщина в обтягивающих черных лосинах и белой футболке с изображением Джонни Деппа, – голливудский актер и понятия не имел, что расстояние между его глаз было катастрофически огромным из-за внушительных женских прелестей! – она была крайне недовольна влажными шевелюрами моделей.

«Могли бы и постараться спрятать волосы от снега! Съемки как-никак. Теперь столько времени потеряем!»

Гриша, хозяин фотостудии, нервно поглядывал в большое окно, с досадой поджимая узкие губы, и все не мог оторвать глаз от своего заляпанного грязью седана, которого помыл только вчера.

– Что за невезуха? Стоит натереть машину до блеска, как тут же вылезает всякое дер... гадость, – пробубнил он, почесав острый подбородок. – Разве нельзя было предупредить о такой мерзопакостной погоде? С ума сойти, вчера в футболке ходил, а сегодня пришлось шапку надевать! У нас никогда такого не было.

– Ага! Значит это ты виноват! Не помыл бы машину и снега бы не было, – поддела Белла, вставляя зарядившуюся батарею в свой фотоаппарат. —Кстати, да! Не припомню, чтобы у нас такие хлопья сыпались в апреле. Хотя, знаешь, в других регионах снег идет даже летом! Некоторые люди вообще не знают, что такое лето, загар, трава, теплый дождик и...

– Все, я понял! – перебил Гриша, закатив глаза. – Опять бубню как старикашка.

– И это сказала не я, а твоя жена! – подмигнула Белла, сворачивая зарядное устройство.

Гриша только фыркнул, сложив руки на груди, но когда из раздевалки снова послышалось недовольство парикмахера, он вновь с раздражением взглянул на своего штатного фотографа:

– Когда уже все это закончится? Где ее вообще нашли? – шепнул он.

– Мое дело только фотографировать, а не интересоваться, почему твой любимый журнал сменил тихую скромную Олесю, на крепкую женщину с явно тяжелым характером. Кажется, пару раз она сказала слово «гнездо», не слышал? Очень надеюсь, что модели не будут позирать мне с кислой физиономией после этого. Иначе виноватой останусь я.

– Неудачное начало дня. Еще и уборщица придет только через полтора часа, – снова пробубнил он, оглядев мокрый пол. – Ладно, пойду за шваброй. Не хватало, чтобы еще кто-нибудь шею свернул. Бог мой! Эта погода все испортила! Абсолютно все!

Протяжно выдохнув, мужчина направился к узкой кладовке, где хранились две швабры, ведро и моющие средства, а Белла тихонько хихикнула, с улыбкой наблюдая за хмурым начальником, который, скрипя зубами, собирался заняться уборкой помещения, напоминая ей пухленькую и недовольную фею из мультика. Ему бы еще крыльшки приделать, такое чудо бы получилось!

– Гриш, я бы помогла тебе, но сейчас уже съемка начнется, – протянула она, едва сдерживая смех. Глядя на его узкие коричневые брюки в крупную бирюзовую клетку и мятную

рубашку с отливом, Белла все-таки издала короткий смешок, ведь своеобразный гардероб тридцатилетнего мужчины, изо всех сил старающегося избавиться от круглого, как земной шар пузика, зрительно укорачивал его и без того невысокий рост. Его жена Соня была одной из тех женщин, что делали впечатительные заказы на дизайнерскую одежду, которую привозили из Европы и Америки. И большинство вещей Гриши были как раз оттуда. Соня собственноручно занималась имиджем своего мужа, который чаще всего походил на доброго пухляща Винни-Пуха. Кстати, именно так Гришу ласково называли за глаза его сотрудники. – Обязательно надень перчатки!

– Спасибо, Белл, – рявкнул он из кладовки. – Ты помощник от Бога.

Девушка растянулась в веселой улыбке и достала сотовый из заднего кармана джинсов. Прочитав два полученных сообщения от подруги, активно занимающейся поиском работы последние полтора месяца, Белла с радостью узнала, что у Кати наконец-то появился шанс получить отличное место секретаря в одной очень серьезной организации.

«Желаю удачи на сегодняшнем собеседовании! Обязательно позвони, как все закончится! Держу кулачки!» – написала Белла в ответ и с трудом засунула большой телефон в задний карман джинсов.

Прислушавшись к кряхтеньям начальника, она улыбнулась и направилась в просторную студию, предварительно натянув на ноги домашние серые угги, в которых ей всегда было комфортно работать. За несколько минут изолированное и душное помещение наполнилось высокими и стройными моделями, одетыми в шикарные вечерние платья известного местного дизайнера. Главный редактор модного журнала вместе со своей помощницей пили кофе за столиком в самом углу студии и пристально наблюдали за рабочим процессом. Чуть позже к ним присоединился Гриша, уже долгое время сотрудничавший с известным изданием, и управляющая бутика, предоставившего дорогостоящие вещи для съемки. Изредка они громко подбадривали чересчур серьезных девушек, никак не желавших менять выражения своих лиц.

– Интересно, они из-за погоды такие хмурые, или из-за той нервной парикмахерши? – прошептал Гриша, встав рядом с Беллой. Хлопнув в ладоши, он громко воскликнул: – Красавица, улыбайся! Лето скоро! Солнце! Посмотри, какая красота на тебе!

– Этот тканевый фон – ужасный, – тихо проговорила Белла, щелкая кнопкой на фотоаппарате. – Где ты его взял? Он же бликует.

– Заказчики выбирают, а не мы. У них и модели нешибко работающие.

Белла кивнула девушке, дав понять, что ее работа закончена.

– Слушай, тут один бизнес-журнал сделал заявку на фотосессию, не хочешь взять ее себе?

– С кем и как работать?

– Нужны студийные снимки, во время проведения интервью и, собственно, за работой. Ну, как чувак сидит за своим огромным столом из дорогущей породы дерева и умело изображает занятой вид.

– Почему мне предлагаешь? Ты ведь сам занимаешься подобной тематикой. Да и Миша с радостью бы согласился.

– Просили именно тебя.

Белла с подозрением взглянула на него и кивнула следующей на очереди модели в ярко-синем платье чуть ниже колена.

– Я так понял всем процессом руководит пиарщица этого бизнесмена! Представитель издания сказал, что ей очень понравились твои работы в других журналах и твое видение! – объяснил Гриша с какой-то отцовской гордостью. – Я не могу отказаться от прибыльного заказа, к тому же, так приятно, когда моему фотографу делают комплименты. Кстати, когда ты познакомишь меня со своим парнем? – спросил он как бы невзначай.

– Какое там «видение»? – усмехнулась она. – Бизнесмены все одинаковые, как и их столы, кресла, кабинеты, часы на руках и даже выражения лиц. Я просто нажимаю спусковую кнопку

и все. А по поводу парня – прекрашай, серьезно, – твердо ответила она, сосредоточившись на работе.

– Умница! Улыбайся! – воскликнул Гриша, обращаясь к модели. Понизив голос, он снова обратился к Белле: – И не надо «ля-ля», столы у всех разные, как и часы на руках. Ну что, возьмешься?

– Ты ведь уже решил, что этим заказом буду заниматься я. Зачем тогда спрашиваешь?

– Я бы мог отдать его своей сестре на тот случай, если бы ты сказала твердое «нет». Ты ведь у нас не особая любительница работать с такими героями. И да, кстати, пока не забыл! У моей жены есть очень хороший друг, они вместе учились в университете. Увидев твою фотографию, он был просто поражен! В самое сердце.

Убрав фотоаппарат от лица, Белла с изумлением оглядела начальника.

– Я не вру! Он даже попросил «Валосердин»! А это что-то да значит.

– Передай Соне, что я очень благодарна ей за помошь, которую, кстати, не просила. Но, пожалуйста, хватит сватать меня со всеми вашими друзьями, ладно?

– Брось! Ты ни разу не решилась сходить на свидание, а претендентов было уйма! Слышишь, Белл? Уйма! Между прочим, этот чувак нереально успешный бизнесмен, в свои-то тридцать лет! Занимается консалтингом, ездит на новенькой «БМВ» пятой серии. Бог мой! Что творит эта малышка, ты просто не представляешь!

Гриша громко присвистнул и модель, позирующая Белле, вытаращила на него глаза.

– Ты отвлекаешь меня от работы, – буркнула она, заметив растерянность девушки. – И девочечек тоже.

– Короче, его зовут Герман и моя жена настоятельно просила вкратце поведать тебе о нем. А я, на правах твоего любимого и самого доброго начальника на свете, прошу, познакомься с ним!

– С ума сойти!

– Между прочим он является одним из спонсоров «Майского Аукциона», куда приглашают исключительно успешных и деловых людей. Теперь понимаешь, каков размах его...

– А! Так вот оно, что! – перебила она. – Сразу бы сказал, что вам с Соней просто нужны билеты на этот закрытый праздник для богатеньких! Ты ведь уже как четвертый год хочешь попасть туда.

– Эй! Думаешь я настолько меркантилен? – обиженно воскликнул Гриша. Бросив мимолетный взгляд на позирующую модель, он сложил руки на груди и снова обратился к Белле: – К тому же, Герман *уже* любезно предоставил нам билеты на этот аукцион.

– Тогда, чего же ты пристал ко мне? – сосредоточенно спросила Белла, разглядывая получившиеся фотографии на экране фотоаппарата.

– Потому что Соня просила… Хотя, нет. Она меня умоляла об этом! Знаешь, вот даже сейчас, она уехала к родителям на неделю, и каждый день, клянусь тебе, каждый день, когда мы говорим по Скайпу, она спрашивает, сообщил ли я тебе о Германе? Ей совершенно неважно, как я себя чувствую, есть ли еда в холодильнике и не голоден ли я! Главное, чтобы ты узнала о существовании этого Германа!

– Передай ей, что я узнала о нем, а теперь, мой любимый и самый добрый начальник на свете, могу ли я поработать в тишине?

Поджав губы, Гриша слабо кивнул и с недовольной физиономией покинул студию. Белла улыбнулась ему вслед, мысленно поблагодарив его и Соню за заботу, которую они проявляли к ней с самого начала их знакомства. Многое в ее жизни пошло не по плану и мечты, которым так и не суждено было сбыться, теперь навсегда превратились в мелкие песчинки, потерявшиеся во Вселенной. Лишившись своих надежд и целей, Белла приобрела добрых друзей в лице Гриши и Сони, долгожданное спокойствие теперь уже в собственном доме и, конечно же, вредного, но самого любимого кота. Большего для счастья и не нужно.

К обеду в студию заглянул Миша, второй штатный фотограф, с широкой улыбкой на узком вытянутом лице. Он подмигнул Белле, как делал всегда.

– Привет, Белл! Как прошла съемка?

– Привет! Терпимо, – улыбнулась она, решив не вдаваться в подробности. – У тебя что-то будет?

– Ага, через полтора часа портретники для социальной рекламы. Собираешься домой?

Сложив свой фотоаппарат в специальную сумку, Белла окинула взглядом студию и кивнула.

– Не хочешь выпить кофе? Наш Винни только что сварил свежий и срочно уехал в редакцию какого-то бизнес-журнала. Один я не выпью все.

Достав из кармана сотовый, Белла тихонько вздохнула, не увидев ни одного пропущенного звонка от подруги. Она очень надеялась, что собеседование прошло успешно, ведь Кате позарез нужна была работа.

– Что-то не так?

– У Кати сегодня собеседование, жду от нее звонка.

– Это та, что сменила четыре места работы за последние…

– Пять месяцев, да, – кивнула Белла, сев на диван. Она стянула свои угги, обула коричневые ботинки на низкой подошве, и аккуратно поставила свою сменную обувь на нижнюю полку шкафа-купе. – Чего стоишь, неси кофе!

Худощавый Миша метнулся на кухню и через пару минут вернулся в холл с двумя кружками ароматного крепкого напитка.

– Как твой кот? Не пишет больше в пальму?

– Я стала брызгать в землю освежитель воздуха, и теперь он ходит исключительно в свой лоток! – с гордостью ответила Белла. – Знаешь, сколько я специальных вонючек перепробовала, чтобы приучить его? А все оказалось так просто.

– А пальма-то жива? – засмеялся Миша, не сводя с нее глаз.

– Как ни странно, но да! И мне кажется, что она стала намного пушистее что ли. Снег прекратился?

Парень уже ничего не слышал, поскольку как обычно не мог оторвать глаз от самой привлекательной девушки, которую когда-либо видел. Он частенько наблюдал за Беллой, когда та работала, или просто отвлекалась на какие-то мелочи, не замечая на себе его увлеченный взгляд. И сейчас, повернувшись к окну, она в очередной раз дала ему шанс украдкой оглядеть себя. Пару месяцев назад он решил пригласить ее на свидание, под предлогом дружеской вечерней посиделки в одной молодежной кафешке, где каждую пятницу собирались любители зарубежного кино. Но стоило ему взглянуть в ее большие глаза цвета летнего безоблачного неба, как тут же во рту становилось сухо словно в бескрайней пустыне, а мысли превращались в хлюпающее желе, приготовленное по самому неудачному рецепту.

– Наш Винни по-любому испачкал машину, – усмехнулась она, глядя на светлую улицу с мокрыми дорогами и образовавшейся грязью. – Завтра опять будет бухтеть, как старишок.

– О, нет! Я не вынесу этого! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!

Оба засмеялись и сделали по глотку кофе. Наступило неловкое молчание, но только Миша ощущал от этого некоторую напряженность. Белла же пыталась вспомнить, сколько упаковок влажного корма осталось в холодильнике, и не нужно ли будет забежать в зоомагазин по пути домой.

Сотовый в ее руках неожиданно завибрировал, и она тут же провела пальцем по сенсорному экрану, не сразу сообразив, что скрытый номер никак не мог принадлежать ее подруге.

– Да?

– Белла Станиславовна? – раздался мужской голос в трубке.

— Да, это я, — неуверенно ответила она, остановив на Мише взволнованный взгляд. — Кто это?

— Здравствуйте, Белла. Меня зовут Дмитрий Сополев, следователь... Вы помните меня? «Так, давайте повторим еще раз. Начните с того момента, как *уже* оказались в доме».

Воздух прекратил поступать в легкие. Белла закрыла глаза, сжимая в руке телефон и отчаянно пытаясь понять, наяву ли она слышит голос человека, что семь лет назад бесконечными часами вел с ней беседы, стараясь вытащить из нее все детали той жуткой ночи, в корне изменившей ее жизнь.

— Белл? Что с тобой? — спросил Миша, поставив свою кружку на высокую стойку. — В чем дело?

— Прошу прощения за столь неожиданный звонок. Не могли бы вы заехать к нам в отдел, Белла? — спросил следователь, не дождавшись ответа. — Появились кое-какие материалы, и вы можете нам помочь, я уверен.

Больно закусив щеку, она зажмурилась и взволнованно провела рукой по длинным распущенными волосам, похожим на мягкий шелк. Еж на ее месте точно свернулся бы и выпустил твердые иголки.

— Буду очень признателен, если вы подъедете сегодня, скажем, с четырех до шести. Я буду ждать вас. Адрес тот же, только у нас ремонт сделали, мой кабинет теперь находится в другом крыле здания. До встречи, Белла.

В голосе следователя отчетливо слышалось требование, слабо замаскированное под вежливое предложение зайти в любое удобное время. Этот тон был знаком ей, ведь точно так же делала ее мать, когда они жили вместе.

Дав четкие указания, мужчина закончил разговор, заставив Беллу испуганно таращиться куда-то в пустоту и совершенно не слышать взволнованный голос Миши, который уже опустился перед ней на колени.

— Кто это был? Что-то случилось?

Наконец, услышав и увидев его, Белла тряхнула головой и прочистила горло:

— Так, один знакомый. — Взглянув на часы, она неуверенно поднялась и подошла к шкафу с верхней одеждой. — Миш, прости, у меня появились кое-какие дела. Выпьем кофе как-нибудь в другой раз, ладно?

Парень тоже поднялся и задумчиво засунул руки в карманы рваных джинсов:

— Хорошо. Скажи мне, с тобой точно все в порядке? Просто, ты, кажется, очень испугалась. Или я ошибаюсь?

Набросив на себя бесформенное серое пальто, Белла натянуто улыбнулась:

— Нет, все в порядке. До завтра, Миш.

— Пока, — печально ответил парень, с тоской глядя вслед удаляющейся девушке.

* * *

Белла вышла на общарпанной автобусной остановке, находящейся в самой угрюмой и старой части города. Казалось, что даже небо здесь было слишком низким и темным, а в воздухе витал неприятный запах сгнившего мусора. И хотя снег давно прекратился, кое-где местами по-прежнему виднелась черно-серая каша, от одного взгляда на которую, Белла съеживалась и ускоряла шаг. Она шла по грязной дороге, с темными лужами и обдуваемая прохладным апрельским ветром. Приближаясь к вытянутому зданию следственного отдела, она все отчетливее ощущала в себе поедающий душу страх и мнимую боль в теле, что и семь лет назад. Руки предательски содрогались, а зубы так и норовили прикусить давно зажившую шеку. Первое время приходилось полоскать рот отваром ромашки, пару раз в день накладывать специальную заживляющую мазь и брызгать перед сном успокаивающим спреем, чтобы умень-

шить боль. Вспомнив об этом, Белла с трудом набрала в легкие воздух. Нет, больше такого не повторится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.